

ЛИШЬ ЕЁ Я СМОГ ПОЛЮБИТЬ.
ЛИШЬ С НЕЙ НЕ МОГ ОСТАТЬСЯ...

ЕДИНСТ- ВЕННАЯ ДЖУН

18+

ДЖЕННИФЕР ХАРТМАНН
АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *USA TODAY*

Freedom. Романтическая проза Дженнифер Хартманн

А. Левтерова

Единственная Джун

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Левтерова А.

Единственная Джун / А. Левтерова — «Эксмо»,
2022 — (Freedom. Романтическая проза Дженнифер Хартманн)

ISBN 978-5-04-196887-8

Хотите знать, что происходит с юношей, с трудом пережившим трагедию, когда он попадает в объятия единственной девушки в мире, которая никогда не сможет быть с ним? Еще одна трагедия, вот что. Когда мне было шесть лет, отец совершил проступок, изменивший ход всей моей жизни. Из-за него единственная девочка, которую я любил, стала той, с кем мы никогда не разделим счастье. Я видел ее первые шаги, слышал первые слова, наслаждался первой улыбкой. Знал все сердечные муки и заветные мечты. Ее сердце так переплелось с моим, что я не знал, где заканчивается она и начинаюсь я. Но говорят, что беда не приходит одна. Это правда. Первая трагедия изменила меня, вторая сломала, а третья исцелила. Но в центре всей этой трагедии... история любви. Моей любви к Джун.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-196887-8

© Левтерова А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Плейлист	6
Часть 1	7
Глава первая	7
Глава вторая	16
Глава третья	24
Глава четвертая	31
Глава пятая	38
Глава шестая	45
Глава седьмая	50
Глава восьмая	55
Глава девятая	64
Глава десятая	75
Глава одиннадцатая	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Дженнифер Хартманн

Единственная Джун

Jennifer Hartmann

JUNE FIRST

Copyright © 2022 by Jennifer Hartmann

All rights reserved.

© Левтерова А.И., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Моему мужу, Джейку. Ты моя радуга после дождя.

*Втайне все свои книги я посвящала тебе. Но думаю, пришло время
заявить об этом публично*

Плейлист

Over the Rainbow – Amber Leigh Irsh
Everything Under the Sun – Common Rotation
Tiny Dancer – Kurt Hugo Schneider
Look After You – The Fray
Simple Song – The Shins
First – Cold War Kids
Everything – Lifehouse
Crazy For This Girl – Evan and Jaron
Sidekick – WALK THEMOON
Dangerous – Big Data, Joywave
Sick Cycle Carousel – Lifehouse
It Only Hurts – Default
Delivery – Jimmy Eat World
Brother – Kodamine
Forever Young – UNDRSSD, EllieMay
Pain – The War On Drugs
Stand By Me – Joseph Vincent
Iris – Ben Hazlewood
Oceans – Seafret
Can't Help Falling in Love – Boyce Avenue
When You Come Back Down – Nickel Creek
Time After Time – Boyce Avenue, Megan Davies
Letters From the Sky – Civil Twilight
Until the End – Quietdrive
Last Train Home – Ryan Star
Born To Die – JJ Wilde, Billy Raffoul

Часть 1

Первая трагедия

Глава первая «Первая кровь»

Брант, 6 лет

– Ну ты и чмошник, Брант!

Венди и Уайетт уносятся прочь на велосипедах. Когда они рассекают по соседскому газону, из-под колес в разные стороны начинает лететь грязь, перемешавшаяся с травинками.

Чмошник.

Что это значит?

Я смотрю вслед их удаляющимся фигурам с края подъездной аллеи в то время, как Тео пинает ногой один из укатившихся камней, которыми обложен наш почтовый ящик. Папа точно слетит с катушек, если заметит хотя бы один камень не на своем месте. Он обожает такие странные штуки, как камни вокруг почтового ящика, идеально выровненные дорожки и траву, что выглядит зеленее, чем новая прическа моей няни.

Я этого не понимаю.

Как и не понимаю, что такое «чмошник».

– Венди – дура, – бормочет Тео себе под нос.

– Звучит лучше, чем чмошник.

– Так и есть.

Солнце прячется за пушистым облаком, отчего то становится похожим на огромный кусок сахарной ваты, плывущей по небу Среднего Запада¹. У меня урчит в животе.

– Хочешь остаться на ужин?

Тео пытается поправить камень носком кроссовка, но терпит неудачу. Теперь папа точно заметит. Он вздыхает, поднимает голову и смотрит в сторону тупиковой улочки, где исчезли кошмарные двойняшки Нипперсинк.

– Твоя мама готовит чили?

– Нет, рыбу. – Мама любит готовить. Думаю, это ее любимое занятие. Единственное, что она любит помимо этого – целовать меня в щечку и щекотать мне животик. Я люблю все, что она готовит, даже брюссельскую капусту.

Даже рыбу.

– Фу, – произносит Тео. Он смотрит в сторону кирпичного здания, построенного в стиле ранчо. Его дом стоит через два дома от моего. Тео пожимает плечами. – Да и, думаю, мама сегодня уже может родить ребенка.

– Правда?

– Может быть. Она сказала, в животе было такое ощущение, словно из «лудерус» чавкает гиена.

– Это означает, что ребенок вот-вот родится? – Я засовываю руки в карманы шорт и хмурюсь от всплывшего в голове образа. Все это звучит очень плохо. Это звучит даже хуже, чем когда меня укусил кот тети Келли: он выглядел грустным, и я хотел накормить его яблочным

¹ Средний Запад (*англ.* Midwest) – один из четырех географических регионов, на которые подразделяются США. Регион состоит из двенадцати штатов в центральной и северо-восточной части США.

ломтиком. На следующий день у меня поднялась высокая температура. – Я думал, дети – это что-то очень счастливое. И вообще, что такое «лудерус»?

– Да не знаю. Думаю, это такая штука в животе у мамы, в которой живет ребенок. По-моему, звучит отвратительно.

Меня пробирает дрожь. Это и правда звучит довольно мерзко. Мне всегда хотелось иметь брата или сестру, чтобы мы росли вместе, но папа слишком много работает в офисе или во дворе, а мама говорит, что трудно заботиться о маленьких детях, которые все время какают и плачут, так что, наверное, у родителей буду только я.

Зато у меня есть Тео.

Он мой сосед и лучший друг, и, может быть, новый малыш Тео будет для меня как мой собственный. Может быть, мы сможем делить его между собой.

– Тео, как ты думаешь назвать ребенка?

Я наблюдаю за Тео и за тем, как он запрыгивает на кольцо из камней, пытаюсь удержать равновесие. Он поскальзывается и приземляется на задницу, прямо в мокрую траву, а когда встает, на его джинсах остаются пятна коричневой грязи. Он отряхивается, недовольно ворча.

– Как насчет Поросенок?

Мы оба смеемся, представляя себе милого малыша с таким именем. Я скольжу взглядом вдоль улочки, и мне в голову приходит новое имя, когда взгляд замирает на порхающем насекомом с яркими крылышками.

– Мне нравится Бабочка.

– Ага, хорошо. Поросенок, если мальчик, и Бабочка, если девочка, – кивает Тео, все еще массируя ушибленные ягодицы. Он убирает со лба рыжеватую прядь волос – взгляду открываются темно-голубые глаза в цвет рубашки. – Эй, Брант, может, ты сможешь зайти в гости и познакомиться с ней после того, как она выйдет из маминого живота?

Это было бы здорово!

Я уже собираюсь ответить, как до меня доходит смысл его слов.

– С ней?

Тео снова пожимает плечами и морщит нос.

– Думаю, это девочка. Уже представляю, как она будет носить маленькие розовые платья и огромные банты. Она будет очень хорошенькой, как думаешь?

– Ага, могу поспорить, так и будет.

– Я буду о ней заботиться. Я стану самым лучшим старшим братом на свете, – улыбаясь, говорит он с гордостью. Так же улыбается и папа, когда смотрит на только что подстриженный газон. – Я буду Марио, а ты можешь быть Луиджи, если хочешь. А она будет Принцесса Пич, и мы с тобой будем защищать ее от всех злодеев в мире².

Я представляю себе все это. В моем воображении рисуются грандиозные приключения и сражения, битвы на мечах и подвиги. Эти образы трогают мое сердце.

Мне всегда хотелось иметь что-то, что бы я мог защищать, а мама не разрешает мне завести даже щенка.

Значит, всем этим для меня станет новый малыш Тео.

– Мне нравится эта идея, Тео. Из нас получится отличная команда.

Вдруг из окна выглядывает мама Тео, чем и прерывает наши мечтания. Ее живот такой круглый и большой, что легко удерживает москитную сетку. Там внутри должно быть что-то большое, размером с арбуз.

Может, нам лучше назвать ее Арбуз.

² «Супер Марио» (англ. Super Mario) – культовая видеоигра, разработанная и выпущенная японской компанией Nintendo. Марио и Луиджи – братья, на протяжении игры спасающие «деву в беде», Принцессу Пич (англ. Princess Peach) – дословно: Принцесса Персик.

– Теодор! Мы едем в больницу!

Из дома выбегает отец Тео, неся по меньшей мере семь пакетов, два из которых, связанные между собой, болтаются у него на шее. Его лицо свекольно-красное, такого же цвета, как и минивэн, в который он забрасывает вещи. Он выглядит так, будто вот-вот упадет в обморок. Или нет, так, будто у него случится сердечный приступ. Он сильно вспотел.

– Сейчас, сынок! Скоро родится ребенок! – кричит его отец, спотыкаясь о выбоину на подъездной аллее, пока мчится обратно к дому.

У моего друга загораются глаза.

– Она идет, Брант! Ты это слышал?

– Я слышал, – с нетерпением говорю я, немного завидуя своему другу. Я хочу младшую сестренку. На самом деле я бы променял все на свете на младшую сестренку.

Ты слышишь это, небо? Я отдам все что угодно за младшую сестренку!

Не знаю, зачем я рассказываю о своей мечте небу, но мама всегда поднимает взгляд в потолок, когда молится по ночам. Может быть, она разговаривает с небом.

Может быть, оно слушает.

Облако из сахарной ваты не отвечает, как и заходящее солнце. Птицы не поют. Верхушки деревьев покачиваются, но тоже молчат.

Мое желание украл ранний летний ветерок, и оно никогда не будет услышано.

Тео садится на велосипед и машет мне рукой на прощание, усиленно крутя педали. Он чуть не падает на тротуар, крича мне взволнованно:

– Увидимся, Луиджи!

Я ухмыляюсь, услышав это имя. Луиджи. Это значит, что я воин. Защитник.

Герой.

А это намного лучше, чем «чмошник».

– Пока, Марио! – кричу я в ответ.

Тео снова чуть не падает с велосипеда, когда пытается помахать мне еще раз; велосипед шатает из стороны в сторону, но он ловит равновесие и мчится домой как раз в тот момент, когда его отец подводит маму к минивэну. Она держится за свой большой живот, издавая ужасные, наполненные болью звуки. Она определенно не выглядит счастливой.

Ничего не понимаю.

– Брант, дорогой... уже почти время ужина.

Я вздрагиваю от неожиданности, а затем оглядываюсь через плечо. Мама машет мне рукой из дверного проема, ее темно-медовые волосы разлетаются от порыва ветра.

– Иду! – кричу я ей в ответ, украдкой бросая последний взгляд на моего друга, запрыгивающего в машину вместе со своими родителями. Тео еще раз энергично машет мне рукой на прощание, когда машина, скрипнув шинами, выезжает с подъездной дорожки.

– Заходи в дом, Брант. Поможешь мне намазать чесночный хлеб маслом.

Я разворачиваюсь и, вздохнув, бегу по траве к дому.

Мама нежно обнимает меня за плечи и целует в макушку. Я поднимаю на нее взгляд, перебирая край рубашки:

– Мама Тео сегодня родит ребенка.

Она улыбается, положив ладонь на свой живот. Он плоский и стройный – не такой, как у мамы Тео. Там внутри точно не прячутся арбузы.

– О боже мой. Я знала, что это случится со дня на день. – Мама поднимает взгляд, наблюдая, как минивэн исчезает за углом. – Приготовлю им кассероль³, когда они вернутся. Тео рад?

³ Кассероль (*англ. casserole*) – блюдо из птицы, мяса или рыбы и овощей. В него добавляются пряные травы, приправы и жидкости. Блюдо готовится под крышкой в духовке при слабом нагреве.

– Он очень рад, – киваю я. – Он сказал, что я могу навестить их, когда они вернутся домой. Можно, мам?

Она слегка сжимает мне плечо и смотрит на меня своими карими глазами, так похожими на теплый топленый шоколад.

– Конечно. Бейли нам как семья, – шепчет она. – И возможно, я пересмотрю свое мнение по поводу щенка, о котором ты меня все время просишь.

– Правда? – Я широко распахиваю глаза, не сомневаясь. – Может, мы назовем его Йоши⁴?

– Почему нет.

Я подпрыгиваю в предвкушении:

– Спасибо, мам.

Снова дуновение ветра, от которого мамины длинные волосы разлетаются, как воробушки. Она на мгновение закрывает глаза, прижимает меня к себе.

– Ты хороший мальчик, Брант. У тебя доброе и храброе сердце. Может быть... – Порыв ветра уносит ее слова. Я чувствую себя растерянно и обеспокоенно, словно что-то не так. Затем она договаривает: – Может быть, мы сможем начать все сначала где-нибудь в другом месте. Только ты и я.

– А как же папа?

Я жду ответа, прижимаясь к ней крепче. Меня окутывает ее запах, такой знакомый, от которого мне становится спокойно. Мама перебирает мои растрепанные волосы. Она пахнет чем-то сладким. Каким-то десертом: медом и карамелью. Может быть, даже яблоками в карамели.

– Завтра уже июнь. – Ее голос тихий, словно шелест, поэтому я едва разбираю слова. Мама проводит ладонью по моему затылку и спине, слегка похлопывая, а затем отстраняется. – Июнь всегда несет в себе что-то новое.

Я думаю над ее словами весь вечер. Я думаю над ними, сидя за обеденным столом, пока папа рассказывает о том, как Коллинз в офисе умышленно испортил его электронные таблицы. И продолжаю раздумывать, когда он кричит на маму за то, что она пережарила филе лосося. Он даже закатывает истерику из-за камней вокруг почтового ящика, говоря, что это все соседская собака: сорвалась с цепи и пустила насмарку весь его тяжелый труд. Я держу рот на замке, перетирая глазированную морковь в кашу. Мне не хотелось, чтобы у Тео были неприятности. Я знал, что папа заметит.

Он любит эти камни.

Когда наступает время ложиться спать, я никак не могу перестать думать над мамиными словами.

Сам не знаю почему.

Июнь всегда несет в себе что-то новое.

Что это значило? И почему мама хотела уехать куда-то без папы?

Этой ночью мама укладывает меня в постель и поет мне колыбельную. Она уже давно не пела мне колыбельных: с тех пор, как я пошел в подготовительный класс. Ее голос мягкий, от него будто исходит лунное сияние. Если бы у луны был голос, он бы звучал как голос моей мамы. Она поет о том, что над радугой летают синие птицы счастья. Я думаю о синих птицах и думаю о радуге. От этих слов мне становится радостно, но мама поет их так грустно.

Она читает мою любимую книжку про слоненка Дамбо, а я держу в руках мягкую игрушку – пушистого серого слоненка по имени Бабблз. Мама плачет над этой книгой, как и всегда.

Потом она нежно целует меня в макушку и шепчет мне при свете звезд, что летя из окна:

⁴ Йоши (англ. Yoshi) – персонаж серии игр Super Mario, представляет собой дружелюбного динозаврика.

– Я всегда буду оберегать тебя.

Я с улыбкой прижимаюсь к полосатому одеялу и прислушиваюсь к ее тающим шагам.

Пытаюсь уснуть, но в голове крутится столько мыслей.

Думаю о Венди, о том, какая же она дура. Да и Уайетт такой же.

Я думаю о щенке, которого мы заведем... Йоши. Интересно, подружится ли он с соседской собакой?

Интересно, папе он будет нравиться больше, чем соседская собака?

Я думаю о мамином голосе, сотканном из лунного света. Интересно, почему она сказала мне все те вещи, когда мы стояли у двери?

И наконец, я думаю о сестренке Тео.

Поросенок или Бабочка?

Интересно, живот мамы Тео все такой же большой? Вышел ли уже ребенок из ее «лудерус»?

А может быть, будет два ребенка, как Венди и Уайетт. Один для Тео, а второй для меня. Мы оба можем быть Марио.

Часы тикают и тикают, мои мысли начинают успокаиваться. И меня уносит сказочный сон. Я в небе, сижу прямо на верхушке ярко-желтой луны.

Здесь наверху шумно.

Я утопаю в стрекоте тысяч желаний.

И где-то, кажется, я слышу свое собственное.

Я отдам все что угодно за младшую сестренку!

* * *

– Брант.

Меня резко разбудил знакомый голос. Сначала я растерялся, подумав, что опоздал на школьный автобус, но потом вспомнил, что сейчас летние каникулы.

Я открываю глаза, когда кто-то хватается за плечо. В комнате еще очень темно. За окном ночь. Я моргаю, пытаюсь хоть что-нибудь разглядеть в темноте.

– Папа?

– Просыпайся, Брант. Просыпайся.

В его голосе слышится что-то странное: проскальзывают нотки страха, как будто это не он, а другой человек. Я поднимаюсь, сажусь прямо, потираю сонные глаза и прижимаю к груди слоненка.

– Что-то случилось?

Лицо отца блестит в тусклом свете ночника. Он весь в поту, тяжело дышит.

– Я люблю тебя, Брант. Прости меня.

Я молча смотрю на него, совершенно ничего не понимая.

– Спрячься под кроватью, – приказывает он, потянув меня за руку. – Давай же.

У меня засосало под ложечкой. На глаза наворачиваются слезы.

– Мне страшно.

– Пожалуйста, будь хорошим мальчиком.

Я хочу быть хорошим послушным мальчиком, поэтому делаю, как он велит. Крепко сжимая Бабблза, я соскальзываю на пол. Папа хватается за оба плеча и сильно встряхивает. Глаза уже привыкли к темноте, и я замечаю у него на щеках несколько царапин – глубоких и красных.

– Где мама?

На его лице появляется странное выражение, он хмурится. Его начинает бить дрожь, когда он прикасается ко мне. Отец опускается на оба колена так, что мы оказываемся лицом

к лицу. Он судорожно сглатывает и ногтями впивается мне в кожу, отчего становится больно, но страх перекрывает все остальные чувства.

– Слушай меня внимательно, сынок, – говорит он словно чужим голосом, низким и хрипловатым. Грустным. – Я хочу, чтобы ты заполз под кровать и оставался там, пока не взойдет солнце, ты меня понял? – Отец кладет свой темно-синий кнопочный телефон мне в руку, сжимая мои пальцы вокруг него. – Когда солнце взойдет, набери 9-1-1. Это очень важно... пообещай мне, что сделаешь.

По моим щекам текут слезы. Я киваю. Я не знаю, что мне делать.

– Не спускайся вниз.

Не спускайся вниз. Не спускайся вниз. Не спускайся вниз.

Эти слова эхом отдаются внутри меня, снова и снова. Я должен слушаться. Я должен пообещать.

– Хорошо, папа.

Он немного расслабляется:

– Я люблю тебя. Мы оба тебя любим. Ты же это знаешь, правда?

– Да, я знаю, – отвечаю я ему сквозь слезы. Я даже не знаю, почему я плачу, но соленые капли текут сами собой.

Коротко кивнув, он тянет меня под кровать. Я опускаюсь и, прижавшись животом к полу, заползаю под свое спальное место. Там очень темно, валяются потерянные игрушки и игральные карты. От пыли начинает чесаться в носу. Свернувшись калачиком, я притягиваю Бабблза к мокрой от слез щеке, а в другой руке сжимаю телефон. Папа опускается на пол, открывает рот, как будто собирается что-то сказать, но у него лишь дрожат губы, а слова так и остаются несказанными. Он проводит огромной ладонью по лицу и ерошит волосы.

Я понимаю, что он собирается оставить меня здесь, поэтому выпаливаю:

– Мама сказала, что всегда будет меня оберегать.

Всеми фибрами души я чувствую опасность.

И мамы здесь нет.

На лице отца проступает еще большая печаль, но он молчит. Он не утешает меня, как это сделала бы мама.

Перед тем как подняться, он тянет ко мне руку.

– Еще кое-что, Брант, – произносит отец, глядя на меня своими дикими, полными слез глазами. Он словно задыхается и издает звук, который я, наверное, никогда уже не забуду. Он отдает всеми кошмарами, которые мне когда-либо снились. Сжимая мою руку в последний раз, отец снова издает этот жуткий звук, что-то похожее на кашель, на плач или на ужасное прощание. Он отползает назад и шепчет сквозь непроглядную тьму:

– Закрой уши.

Он вскакивает с пола, разворачивается и выходит из моей комнаты.

Лежа под кроватью, я наблюдаю, как его ноги удаляются все дальше и дальше, а потом дверь закрывается.

Щелчок.

Комнату окутывает тишина.

Мое сердце бешено колотится, дыхание учащенное, они словно работают в одном безумном ритме. Бабблз успокаивает меня единственным возможным для него способом: выполняет роль подушки, пока я лежу, прижав колени к груди.

Я пытаюсь вспомнить все, что сказал мне отец. Нужно много чего запомнить.

«Когда взойдет солнце, набери 911».

Я сжимаю в руке телефон.

«Не спускайся вниз».

Почему я не могу спуститься вниз? Я хочу к маме. Мне нужно, чтобы она защитила меня от всех этих странных вещей, которые я не понимаю.

Кажется, было еще кое-что... последнее, что я должен был сделать, но я не могу вспомнить.

Что это было? Что же это было?

Из глаз льются слезы, щиплет в горле, мысли бешено проносятся в моем сознании.

«Еще кое-что, Брант...»

Я не могу вспомнить. *О нет, я не могу вспомнить!*

Пол холодный и темный, мне так одиноко. Мне страшно.

Мне никогда еще не было так страшно.

Когда, плача и крича, я зову маму, последняя просьба моего отца всплывает в памяти.

А, точно!

Закрыть...

Бум.

Я дергаюсь от громкого звука, все тело дрожит, я широко распахиваю глаза. Думаю, может, это просто фейерверк. Я все еще слышу их иногда, прямо за окном, те, что еще пускают в честь прошедшего Дня поминовения⁵. Они окрашивают небо в красивые яркие цвета. Глядя на них, я чувствую себя счастливым и улыбаюсь.

Но сейчас я не чувствую себя счастливым, и я не улыбаюсь.

Мне кажется, что это был не фейерверк.

Я все равно закрываю уши, хотя, может быть, уже слишком поздно. Я изо всех сил стискиваю уши руками, уткнувшись лицом в мягкую игрушку, чтобы ничего не слышать.

Так я и лежу долгое время. Мне сложно определить, сколько прошло времени, но, возможно, и несколько часов.

И я знаю, что должен ждать, пока не выглянет солнце и не зальет светом мою комнату, но у меня уже болят мышцы. Тело устало и занемело, шея ноет. Здесь становится трудно дышать.

Решившись, я набираю номер, который назвал папа. 911. Отвечает женщина, но я ничего не говорю. Папа не велел мне ничего говорить. Он просто сказал мне набрать номер.

Я ползу на животе, помогая себе руками, а затем хватаю Бабблза и на цыпочках выхожу из комнаты, стараясь идти как можно тише. Я обещал папе, что не буду спускаться вниз, поэтому не хочу, чтобы он меня услышал.

Он не должен знать, что я нарушил обещание.

У меня внутри все сжимается, пока я пробираюсь по темному коридору. Всюду тихо и слышен только скрип деревянных половиц, а также шум потолочного вентилятора. Я осторожно спускаюсь по лестнице. Это все напоминает мне рождественское утро, когда я украдкой заглядываю под елку, проверяя, не приходил ли Санта и не принес ли мне подарки, завернутые в яркую бумагу и сверкающие банты.

Но это не рождественское утро.

И то, что я обнаруживаю, спустившись по лестнице, – это не подарки, подписанные моим именем. Нет радости. Нет ощущения чуда.

Есть только неописуемый кошмар.

Кровь.

Страх.

Крик.

Мой крик.

⁵ День поминовения (*англ.* Memorial Day) – национальный день памяти США, отмечается ежегодно в последний понедельник мая. Посвящен памяти американских военнослужащих, погибших во всех войнах и вооруженных конфликтах, в которых США когда-либо принимали участие.

Я зажмуриваю глаза, пытаюсь прогнать увиденное. Затем снова их открываю.

Это все на самом деле, это реально... о нет, это происходит на самом деле!

Бабблз выскальзывают из руки, падая в лужу красного цвета, которая растеклась из дыры в голове моего папы. Рядом с ним лежит пистолет – точно такой же, который я видел в фильмах и телепередачах.

Мама тоже лежит рядом с ним. У нее что-то обмотано вокруг шеи, из-за чего ее рот открыт, а глаза выпучены. Мне кажется, что это рабочий галстук моего отца.

Он фиолетовый.

Я ненавижу фиолетовый. Это самый ужасный цвет, который я когда-либо видел.

Мама не смотрит на меня, хотя ее глаза открыты. Она безмолвна и неподвижна, как и папа.

– Мамочка? – едва ли это похоже на мой голос. Он такой высокий и писклявый, слова вязнут в горле, как жевательная конфета Laffy Taffy. Я обхожу отца и реку крови, что растеклась вокруг него, и бросаюсь к маме. Она не двигается. Она не обнимает меня в ответ.

Она не оберегает меня, как обещала.

Я рыдаю у нее на груди, умоляя ее проснуться, прошу, чтобы она почитала мне сказки и спела колыбельную. Мне так нужно, чтобы она сказала мне, что это всего лишь плохой сон.

Здесь через некоторое время меня и находят незнакомые люди, одетые в форму. На их лицах застыл ужас – такой же, как и на лице моего отца, когда он выходил из моей комнаты. Они отрывают меня от мамы, и я дерусь, кричу, плачу; я отчаянно тяну руки, умоляю, пока они выталкивают меня наружу через входную дверь.

Подальше от нее.

Подальше от папы.

Подальше от Бабблза.

Кто-то заворачивает меня в одеяло, хотя мне не холодно. Мне говорят добрые слова мягким голосом, но я их не слушаю. Подъезжают машины «Скорой помощи» с красно-синими мигалками и ревущими сиренами – они присоединяются к полицейским машинам, выстроившимся вдоль нашей тупиковой улочки. Соседи выходят из домов, в ужасе прижимают ладони ко рту, качают головами и смотрят на меня взглядом, в котором читается любопытство.

Но только не Тео.

Его нет дома. Он в больнице с мамой, папой и новорожденным ребенком.

Вокруг меня разносится шепот, и я пытаюсь разобрать некоторые слова:

Ох, а-а-а, ах.

Убийство.

Самоубийство.

Он убил ее.

Бедный ребенок.

Трагедия.

Я свешиваюсь через перила у подъездной аллеи, чтобы достать один из проклятых камней, откатившихся от почтового ящика. Беру его в руку и внимательно на него смотрю, проводя большим пальцем по гладким краям.

Я думаю, папа любил этот камень больше, чем маму.

Думаю, он любил его больше, чем меня.

Я сжимаю его в кулаке, глядя в ночное небо, на котором мерцают звезды и кружат загаданные желания. Тогда я понимаю, что, возможно, это я во всем виноват. Может быть, я убил своих родителей. Может быть, я променял их на глупое желание.

Вот только... у меня нет младшей сестренки.

У меня никого нет.

Нижняя губа начинает дрожать, слезы литься рекой.

Я сжимаю камень.
Затем ставлю его на место.

Глава вторая «Первое впечатление»

Брант, 6 лет

Тетя Келли проводит пальцами по моим волосам, из-за чего я ощущаю ее большие холодные кольца на своей коже. Она немного похожа на маму, когда улыбается, и глаза у нее такие же темно-карие, но от нее не пахнет сладким. От нее пахнет ее кошкой. Той самой, которая меня укусила.

– Для тебя это к лучшему, Брант. Я знаю, тебе сейчас страшно, но вот увидишь... Это правильно... это разумно. – Она оглядывается через плечо, а когда снова поворачивается ко мне, у нее блестят глаза. – Так хотела Кэролайн.

Я оглядываюсь, точно зная, что заставило ее глаза наполниться слезами.

Дом. Мой дом.

Мы стоим на ступеньках возле парадной двери дома Тео, всего в двух домах от моего дома. Трава заросла, все усеяно мертвыми одуванчиками. Папе бы это не понравилось.

Я ничего не говорю, когда тетя Келли прикрывает рот ладонью и издает такой звук, словно она задыхается. Рука слегка дрожит, как и все ее тело.

Я опускаю голову и смотрю на трещинки в ступеньках. Я не уверен, что должен сказать. Я не уверен, что хочу что-то сказать.

– О, милый, иди сюда.

Тетя Келли притягивает меня к себе и крепко обнимает, я утыкаюсь носом ей в живот. Из-за такой близости кажется, что она пахнет иначе, поэтому можно представить, что теперь передо мной стоит мама. Может быть, они пользовались одним и тем же мылом для стирки.

– Я буду навещать тебя, хорошо? Я обещаю, – шепчет она, снова взъерошивая мне волосы. – Я знаю, как это все тебя беспокоит, но Бейли воспитают тебя правильно. У тебя будут брат с сестрой, с которыми ты сможешь играть. У тебя будет хорошая семья, где ты вырастешь, – это намного больше, чем я когда-либо могла бы тебе дать. – Я чувствую, как вздымается ее живот, словно она пытается перевести дыхание. – Это то, чего хотела твоя мама, тебе нужно просто довериться ей. Ты понимаешь, Брант?

Я сглатываю ком в горле и киваю в ответ. Я думаю, что именно этого ответа она от меня ожидает. Когда она наконец от меня отстраняется, на ее лице сквозь слезы пробивается улыбка. Мне это напоминает момент, когда облака кружатся и танцуют в небе, играя в прятки с солнцем, – и солнце побеждает. Триумфально.

– Хорошо, – говорит она, качая головой, и крепко прижимает ладони к моему лицу. Кольца впиваются мне в скулы. – Это хорошо.

Тетя Келли звонит в дверь. Трель разносится по всему дому, просачиваясь внутрь. Слышатся торопливые шаги по коридору. Знакомые шаги.

Тео приветствует меня с лестничной площадки и замирает, увидев меня, стоящего у двери с сумками и чемоданами у ног. Он в замешательстве. Я звонил в его дверь сотни раз, и мне никогда не доводилось видеть подобной эмоции на его лице.

Наверное, он знает. Наверное, он знает, что моих родителей убили, и поэтому стоит в нерешительности.

– Брант, – зовут меня. Это мама Тео: на ней юбка в горошек и белая блузка, на губах – помада, волосы завиты в локоны. Она выглядит как моя мама, когда к нам приходили гости. Только у мамы Тео волосы желтые, как одуванчики у нас во дворе, которые теперь завяли.

Глаза у нее тоже другие. Голубые.

И ее живот больше не похож на арбуз.

Я спускаюсь с веранды и забираю новую мягкую игрушку – слоненка, которого мне купила тетя Келли. Я еще не дал ему имя. Он немного похож на Бабблза, но он не Бабблз.

Я скучаю по Бабблзу.

– Входите, пожалуйста, – говорит мама Тео. Она распахивает дверь и жестом приглашает нас в дом. – Я испекла печенье и сделала лимонад.

Тетя Келли кладет мне руку на спину и подталкивает в холл, а затем сама поднимает все сумки. Стоя уже в доме, мы с Тео внимательно смотрим друг на друга, пока он шаркает ногой по ковру.

– Еще раз спасибо тебе, Саманта, – говорит тетя Келли маме Тео. – Я знаю, это все было... неожиданно. Только родился малыш, и тут вдруг все остальное...

– Все в порядке, правда, – отвечает она. Она говорит очень мягко и тихо, словно не хочет, чтобы я услышал ее слова. – Кэролайн была мне самой близкой подругой. Принять в нашу семью Бранта – это не просто честь. Это дар.

Дар.

Странно звучит; я не чувствую себя «даром». Подарки – это весело и интересно, и они заставляют людей улыбаться. Сейчас никто не улыбается.

Все выглядят грустными.

– Пожалуйста, будьте на связи, – бормочет тетя Келли сквозь слезы. – Я бы хотела навещать его как можно чаще. Я постоянно в разъездах по работе, это будет трудно с моим графиком, но я очень хочу быть частью его жизни.

– Конечно. Тебе здесь всегда очень рады в любое время.

Тео подходит ко мне поближе, его взгляд перемещается на рюкзак с Super Mario, лежащий на полу возле ног. Он засовывает руки в карманы спортивных шорт и кивает на рюкзак.

– У меня есть новая игра Paper Mario. Она только что вышла.

Я моргаю, затем слегка прокашливаюсь:

– Да ладно?

– Ага.

Мои мысли уносятся далеко, навеянные воспоминаниями о том, как мы с Тео засиживались в его комнате, играя в Nintendo 64⁶, а его мама заглядывала к нам с пицца-роллами и упаковками сока Hi-C Ecto Cooler. Это было не так уж и давно. Я точно не знаю, сколько времени прошло после «Страшной Ночи», но сейчас все еще лето. Скоро мы вернемся в школу: я – в первый класс, а Тео – во второй.

Женщины обнимают друг друга, потом тетя Келли снова прижимает меня к себе и целует в щеки, из-за чего они становятся мокрыми от ее слез.

– Тебя очень любят, Брант. Помни об этом.

Я прикусываю губу, наблюдая, как она отстраняется. Она гладит мои волосы в последний раз и прощается, обмениваясь взглядом с мамой Тео, а затем поворачивается к двери. Когда она выходит из дома, то закрывает за собой дверь так сильно, что я невольно вздрагиваю.

А теперь здесь становится тихо.

Тео и его мама так на меня смотрят, как будто не знают, что со мной делать. Как будто я бездомный щенок, который убежал из дома и потерялся.

Я прижимаю мягкую игрушку к груди, представляя, что это Бабблз.

И в этот момент что-то нарушает тишину.

Раздается плач.

Мои глаза округляются, и меня распирает от любопытства. Зарождающееся чувство надежды.

⁶ Nintendo – игровая приставка.

Тео оживляется, а его мама наклоняется ко мне, руками упираясь в колени, и радостно улыбается.

– Хочешь познакомиться с сестричкой Тео, Брант?

Сестра!

Тео был прав. Это *девочка*.

Каким-то образом, сквозь смятение и печаль, среди слез и сомнений, в сердце мое пробивается лучик радости. Я еще не знаю, что это, но оно заставляет меня сдвинуться с места, и я устремляюсь на звук тихого плача.

В центре гостиной стоят качели для младенцев. Они белые и мягкие, проигрывают колыбельные, раскачиваются назад-вперед, из стороны в сторону. Сначала я ее не замечаю, укутанную в нежно-розовое одеяло, но потом вижу маленькую ножку, беспорядочно пинающую воздух.

У меня перехватывает дыхание.

Сзади ко мне подходит мама Тео, опускает руку мне на плечо:

– Ей одиннадцать недель.

В горле появляется неприятное ощущение, и я с силой сглатываю, чтобы избавиться от него.

Я никогда прежде еще не видел такой маленькой ножки. Она, должно быть, хрупкая, как снежинка, когда та приземляется на ладонь. Я так боюсь, что случайно сломаю ее, поэтому просто внимательно смотрю на нее несколько секунд, пока в голове не возникает вопрос.

– Вы назвали ее Бабочка?

В ответ на мой вопрос раздается смех. Мама Тео качает головой, глядя меня по руке – очень нежно, как это делала мама.

– Ее зовут Джун.

Джун⁷.

Июнь всегда несет в себе что-то новое.

Слова мамы вязнут в моем сознании, слова, которые я закопал глубоко. Слова, о которых я отчаянно старался не думать. Я закрываю глаза, и она всплывает в моем сознании: ее теплый взгляд и шелковистые волосы. Ее очертания лица. Ее тонкая верхняя губа, которая нисколько не портила лучезарной улыбки.

В действительности мама не ошибалась, сказав мне, что июнь – это новое начало. Просто это было не то начало, которого все хотели. Это было начало фильма ужасов или страшной книги. Кошмара. Оно не имело ничего общего с волшебными сказками, которые мама читала мне каждую ночь перед сном.

Я делаю шаг назад, подальше от качающейся колыбели.

Может, мне не нравится малышка Джун?

Она и есть мое желание? Неужели она то, на что я променял своих родителей?

Тео крутится возле меня, дергает свой комбинезон.

– Она тебе нравится, Брант?

– Я не знаю.

Я знаю только то, что *она* – здесь, а мама с папой – нет.

– Пойдем, – тихо и немного с грустью произносит мама Тео. – Давай поможем тебе обустроиться в новой комнате. А после этого мы все вместе поедем печенье.

Оказалось, что моя новая комната – это также и комната Тео. По-видимому, я буду спать какое-то время здесь, так как больше свободных спален в доме нет. У Джун же есть своя комната – детская, как назвал ее Тео. Она выкрашена в розовый и серый цвета, а также украшена слониками, начиная маленькой деревянной кроваткой и заканчивая детским мобилем и рисун-

⁷ Джун (*англ.* June) – женское имя, созвучное с названием месяца – июнь.

ком вдоль стен. Я заглянул внутрь, прижимая своего игрушечного слоненка к груди. Мне не понравилась эта детская, потому что она напомнила мне о Бабблзе.

– Как думаешь, Тео, как долго я здесь пробуду? – спрашиваю я своего друга, пока достаю из чемодана рубашки, нижнее белье и пижамы. У нас с Тео у каждого своя тумбочка и кровать. В комнате есть телевизор, размещенный на столе между двумя комодами, и игровые приставки Super Nintendo и Nintendo 64. На стенах висит несколько постеров. Интересно, получится ли у меня принести сюда свои любимые постеры из старой спальни?

Тео плюхается на кровать, наблюдая за тем, как я распаковываю вещи:

– Как долго? Думаю, навсегда.

– Навсегда?

– Так сказала мама.

У меня защемило в груди. *Навсегда.*

Тетя Келли мне почти ничего не сказала. Она сказала лишь, что детали не имеют значения и единственное, что важно – это то, что я в безопасности. Что со мной все будет хорошо.

Но навсегда – это ведь очень долго. Интересно, почему она решила, что это не так важно.

Все стало очень запутанно со времен «Страшной Ночи». Так много незнакомых людей, так много вопросов, на которые я не знал, как отвечать. Тетя Келли сказала мне, что их называют социальными работниками и терапевтами и что они хорошие, поэтому помогут оставаться мне в безопасности.

На некоторое время я остался у тети Келли. Она сказала, что мы должны ждать чего-то под названием «Судебное заседание» – оно скажет нам, что делать дальше. Я не ничего не понимал, но предположил, что это место, где мы с Тео иногда заседаем после игры в мяч.

У тети Келли отличный дом. Она живет прямо к границе со штатом Иллинойс, в маленьком таунхаусе в Висконсине. Ее кошку пришлось закрыть в прачечной, чтобы она снова меня не покусала, но каждый раз, когда я проходил мимо, та яростно на меня шипела. Я плохо спал, а большинство блюд было для меня слишком острыми, но тетя Келли была милой и хорошо ко мне относилась. Она насыпала мне полную руку Skittles каждый вечер перед сном, убирая все фиолетовые конфетки. Я не люблю фиолетовый. Тетя Келли сказала, что дантист может на нее рассердиться за это, но, по крайней мере, я буду засыпать «с чувством сладкого на душе».

Я сажусь на кровать, когда уложил в комод всю одежду. Какие-то вещи взяты из моего старого шкафа, а что-то – новое от тети Келли. Я кладу старые вещи поверх новых, чтобы надевать их первыми.

Я обматываю вокруг пальца торчащую из покрывала нитку, как вдруг Тео бросает мне что-то. Это мягкая игрушка в виде бабочки.

– Что это? – удивляюсь я, сжимая ее в руках. Она мягкая и яркая, но выглядит как девчачья игрушка.

– Бабушка разрешила мне выбрать игрушку для нового малыша, – пожимает плечами Тео. – Я сказал родителям, что назову ее Бабочка, так как родилась девочка, но это имя им не понравилось.

– Почему?

– Да не знаю. Они сказали, что детей в честь жуков не называют, но потом взяли и дали ей имя по названию месяца. Это тоже не очень-то похоже на имя для людей.

Размышляя над всем этим, я опускаю взгляд на розово-желтую игрушку в виде бабочки.

– Она тебе нравится, Тео?

Он ложится головой на подушку и кладет руки под шею. А затем, вздыхая, говорит:

– Да, она мне правда нравится. Даже больше, я ее люблю.

– Больше, чем свои видеоигры?

– Да, наверное, так же.

Мне вспоминается наш разговор возле подъездной дорожки у моего дома, рисуются в воображении образы грандиозных приключений и сражений. Мечи и оружие. Лабиринты и монстры.

А в центре всего этого – маленькая принцесса.

Интересно, Тео все еще хочет представлять, что мы герои, как Марио и Луиджи? И как только я открываю рот, чтобы узнать у него, хочет ли он создать наше собственное великое совместное приключение с Джун в роли принцессы, он опережает меня, словно прочитав мысли.

– Мы будем защищать ее: ты и я, – говорит Тео, глядя на потолочные светящиеся в темноте стикеры с изображением галактики. – Я Марио, а ты Луиджи. А Джун – Принцесса Пич.

– Ладно, – говорю я ему.

– Ты же все еще хочешь, да? Не забыл?

Я быстро качаю головой:

– Я не забыл. Мы будем оберегать ее от всех плохих вещей в мире.

Когда я говорю это, то понимаю, что еще не знаю, как это сделать.

А потом в голову приходит мысль, что *моя мама тоже не знала.*

* * *

Я резко просыпаюсь, разбуженный громким плачем.

Я вскакиваю с постели, по лбу струятся капельки пота, грудь сжало от ужаса.

«Прости меня. Не спускайся вниз. Закрой уши».

Мое сердце колотится так, будто вот-вот вырвется из груди, и, когда этот плач раздается снова, я *закрываю уши.*

Сначала я не понимаю, где нахожусь. Воспоминания обрушиваются на меня, как лавина, и мне кажется, что я дома, иду по лестнице с Бабблзом, крепко прижимая его к себе для защиты. Мама сказала, что защитит меня, но ее здесь нет. И я не знаю, где она.

Так тихо. У меня учащается дыхание. Что-то не так, но я не понимаю что.

Мне страшно.

Я хочу к маме.

Видимо, я произношу это вслух, потому что Тео отвечает:

– Все в порядке, Брант. Это всего лишь Джун. – Он поднимается на кровати с другой стороны комнаты; зеленый ночник в виде динозавра, расположенный на нашей общей тумбочке, наполняет комнату тусклым неоновым светом. – Она делает так каждую ночь. Не бойся.

Когда страх рассеивается, мое сердцебиение начинает понемногу успокаиваться. Я утираю руки от ушей и смотрю на друга сквозь темноту.

– Мне кажется, ей грустно.

– Ага. Мама говорит, что дети часто плачут, потому что им что-то нужно.

Интересно, что же ей нужно? Когда мне было страшно или грустно, я всегда тянулся к Бабблзу. С ним мне сразу становилось спокойнее.

Меня осеняет – я откидываю одеяло и слезаю с кровати.

– Я сейчас вернусь.

– Ты куда?

– Я хочу помочь Джун.

Я все еще не разобрался, нравится она мне или нет, но я должен ей помочь. Я не хочу, чтобы она грустила, как я. Оглядываю комнату, наполненную зеленым свечением, поднимаю мягкую игрушку-бабочку, торчащую из-под кровати, и на цыпочках пробираюсь в коридор. Детская малышки Джун находится прямо за углом, ее тихий плач ведет меня сквозь темноту. Когда я заглядываю внутрь, меня встречают брыкающиеся ножки и заплаканное личико.

Я сжимаю игрушку:

– Привет, Джун. Я Брант.

Я говорю очень тихо, практически шепотом, и не думаю, что она меня слышит. Джун все еще дрыгает ножками, ручки сжаты в маленькие кулачки. Ее глаза зажмурены, рот широко открыт, но она не издает ни звука, а лишь крутит головой из стороны в сторону.

Сделав несколько шагов, я останавливаюсь у бортика возле ее кровати и перебрасываю игрушку через перила. Бабочка приземляется рядом с ней на матрас, пугая ее настолько, что она распахивает глаза.

– Я кое-что тебе принес, Джун. Надеюсь, тебе понравится.

Все мои усилия разбиваются вдребезги, когда Джун мгновенно начинает плакать.

О нет.

Ей не нравится игрушка.

Она ее ненавидит.

Она ненавидит ее так сильно, что становится краснее, чем шляпа Марио. Джун снова кривит личико; сначала она не издает ни звука, словно готовясь к кульминации, и, когда пронзительный вопль наконец вырывается наружу, я в ужасе отскакиваю от кровати, потрясенный.

Вскоре в детскую вбегает мама Тео, на ходу запахивая халат. Волосы растрепаны, взгляд уставший. Она моргает несколько раз, когда замечает меня посреди комнаты, застывшего на коврике в форме слона.

– Брант?

Решив, что у меня сейчас будут большие неприятности, я, заикаясь, бормочу:

– П-простите, миссис Бейли. Я хотел, чтобы она не грустила, поэтому принес ей игрушку. Я-я не хотел злить ее еще больше.

Я громко тараторю, пытаюсь перекрыть надрывный плач. Мои щеки стали такими же пунцовыми, как и у Джун.

Мама Тео слегка мне улыбается и бросается к кровати. Она берет на руки вопящую малышку и качает ее вверх-вниз. Вверх-вниз. Затем поглаживает ее по спине, гладит крошечную головку, поросшую темными пучками волос, и издает убаюкивающие звуки, от которых нам *обоим* становится легче.

В комнате воцаряется умиротворение. Материнская любовь.

Она усаживается с малышкой в кресло-качалку, нежно воркует ей на ушко. Когда ребенок затихает, мама Тео поднимает на меня взгляд. В этом взгляде не читается гнев. Он не похож на взгляд моего отца, когда мама что-то приготовила не так или забыла застелить постель. На ее лице появляется улыбка, и она говорит:

– Это было очень мило с твоей стороны, Брант. Спасибо.

Я прикусываю губу:

– Вы на меня не сердитесь?

– Конечно, нет, – говорит она мне, и я ей верю. Она подталкивает меня вперед. – Вот, подойди ближе.

На мгновение я застываю в нерешительности, затем осторожно подхожу к креслу-качалке, мой взгляд прикован к подрагивающей малышке, нежно прижатой к плечу матери. Я вздыхаю.

– Думаю, ей просто хотелось к маме.

Мать Тео ничего не отвечает, но в отблеске лунного света, проливающегося в комнату, у нее заблестели глаза. Она протягивает мне руку, я сжимаю ее в ответ. И тогда она шепчет:

– Я буду любить тебя как родного, Брант. Я буду любить тебя так, как Кэролайн любила тебя. Даю тебе слово.

Она больше ничего не говорит, но долго держит меня за руку, даже пока раскачивается назад-вперед с Джун на груди. Она напевает колыбельную. Это не та колыбельная, которую пела мне мама, но от нее на душе становится одновременно и радостно, и грустно. Радостно

потому, что я чувствую себя любимым. Грустно потому, что человек, которого я люблю больше всего на свете, не тот, кто держит меня сейчас за руку и поет мне колыбельную.

После того как спящую Джун аккуратно укладывают в кроватку, я устало возвращаюсь в свою спальню и вижу, что Тео тоже уже спит. Он лежит лицом к стене, одна нога торчит из-под одеяла и свисает с кровати. Он слегка похрапывает, отчего мне становится смешно.

Я ныряю под одеяло, готовый провалиться в сон.

Но мне это не удастся.

Джун снова начинает плакать.

Мои глаза снова открываются, и я смотрю в потолок, гадая, что ей нужно на этот раз.

Неужели она уже соскучилась по маме? Игрушка-бабочка не очень-то хорошо сработала, но...

Подождите!

У меня в голове зародилась новая идея, которая снова вытянула меня из кровати и заставила с игрушкой в руке направиться в детскую.

Джун жалобно, тоненько плачет, когда я как можно тише вхожу в комнату. Я не хочу ее напугать. Я подхожу ближе к кроватке и заглядываю через решетки, наблюдая, как она извивается на полосатой простыне. Она любопытная кроха, с ярко-красными щечками, стучит ножками и ручками. Она начинает кричать громко и пронзительно, как один из пятнистых петухов мистера Кэнэри, которого мне довелось увидеть в прошлогодней школьной поездке. От этого визга у меня начинает болеть голова и звенит в ушах.

Я перекидываю новую игрушку через перила кровати, и мой игрушечный слоник приземляется рядом с ней на матрас. Малышка Джун размахивает руками, пока крошечный кулачок не наткнется на игрушку и она не хватает длинный хобот, крепко его сжимая.

А потом... она затихает.

Плач прекращается. Она перестает ерзать. Плач переходит в воркование, и я удивленно наблюдаю сквозь перила кровати, как Джун поворачивает голову, чтобы взглянуть на меня.

Наши взгляды встречаются, и у меня внутри все сжимается. Я опускаюсь на колени, одной рукой держусь за перила, а другую просовываю внутрь, чтобы коснуться Джун. Я глажу ее по животику, будто щенка, затем провожу пальцем по ее дергающейся руке. Малышка теплая и мягкая. Пахнет пеной для ванны.

– Я его еще никак не назвал, – бормочу я, прижимаясь лбом к перилам. – Можешь дать ему имя, если хочешь.

Слоненок слегка покачивается в ее руках.

Пытливый взгляд все еще прикован ко мне, темно-синие глаза широко распахнуты, они кажутся почти черными в полумраке комнаты. Джун воркует, а потом издает звук, похожий на «агги». Это очень мило. Я от этого начинаю хихикать и тянуться к ее руке.

– Ладно. Тогда мы назовем его Агги.

Крошечные пальчики обхватывают мой мизинец, и у меня перехватывает дыхание. Она цепляется так крепко, как будто я ей для чего-то нужен, как будто я важен, и от этого у меня внутри все трепещет. В груди разливается тепло. Мне нравится это чувство: быть нужным, желанным.

Принадлежать кому-то.

Я чувствую, что теперь принадлежу кому-то.

А после того, как я потерял все, что любил, это так много для меня значит.

* * *

Ах да. В тот момент все и началось.

В тот самый момент, когда шестилетний я заглянул в кроватку к Джун. В тот самый момент, когда она ухватила крошечными кулачками за мой палец и игрушечного слоника. Я до сих пор помню чувство, что нахлынуло на меня тогда.

Я почувствовал, что больше никогда не потеряюсь.

Конечно, в то время я был еще ребенком, поэтому не понимал всей величины такого чувства, да и как я мог? Нашу историю невозможно было предугадать.

Но... я что-то знал.

Я знал, что малышка Джун забрала меня в тот момент и никогда больше не отдавала.

Она тронула меня, как восход солнца трогает утреннее небо мягким светом, теплыми красками и предвкушением чуда.

Она обрушилась на меня, как ураган обрушивается на тихий городок, не желая брать пленных.

Забрала мое хорошее и плохое, мое светлое и темное. Собрала мои жалкие, уродливые осколки и создала из них что-то стоящее. Она превратила мою агонию в искусство.

*Джун завладела мной так, как в конечном счете можно описать одним лишь словом:
Неизбежно.*

Глава третья «Первый проступок»

Брант, 6 лет

– Ты все еще чмошник, Брант Эллиотт.

Венди показывает мне язык, пока мы ждем школьный автобус, а ее братец Уайетт довольно хмыкает себе под нос. Все-таки двойняшки Нипперсинк просто отвратительны.

Я их игнорирую, пока мы все вместе стоим на нашей тупиковой улочке с родителями Тео и малышкой Джун. Тео играет в Gameboy⁸, сидя под ярким кленом, красно-оранжевые листья которого кружатся в воздухе, приземляясь вокруг него.

Джун размахивает ручками в коляске, сбивая пушистое одеяло, в которое я заботливо ее завернул.

– Агги.

На моем лице расцветает улыбка, вызывая во мне желание погладить игрушечного слоника, который лежит рядом с ней.

– Агги здесь, Джун. Он будет играть с тобой, пока я буду в школе.

Венди усмехается мне в ответ:

– Младенцы не умеют говорить, Брант. Не будь тупым.

Мама и папа Тео препираются на почве того, кто должен был вынести мусор. Мне полагается называть их Саманта и Эндрю, но мама всегда говорила мне, что мы не называем взрослых по имени – это невежливо.

Я пинаю валяющийся на тротуаре камень и поднимаю взгляд на Венди.

– Я не тупой.

– Очень даже тупой. Ты разговариваешь с младенцем, который может только пускать слюни и плакать.

– Неправда. Она много чего умеет.

На прошлой неделе Джун научилась переворачиваться с животика на спинку. Это было невероятно, я видел это собственными глазами, но она сделала это только один раз. Джун умеет и другие вещи: она часто улыбается мне, хлопает ручками, как птенчик, и может говорить два слова: «Агги» и «Га». Я уверен, что она самый умный ребенок на свете.

– Неважно, – пожимает плечами Венди, дергая себя за хвостик. У нее каштановые волосы, как и у меня, но под осенним солнцем я вижу проблески красного. Красный, как дьявол, наверное.

Я чувствую, как на мое плечо опускается рука. Я поднимаю взгляд и вижу миссис Бейли, она мне улыбается, нежно смотря на меня своими теплыми голубыми глазами. Она красивая, как и Джун. Интересно, глаза Джун станут светло-голубыми, как у ее мамы, или превратятся в медно-карие, как у отца? Сейчас они выглядят темно-синими, отражая пасмурное октябрьское небо.

– Взволнован перед сегодняшними занятиями, Брант?

Лето плавно перетекло в осень, и я вернулся в школу совсем недавно. Нам на занятиях рассказывали про тыквенные фермы.

– Наверное.

– Что-то мне подсказывает, что у тебя будет отличный год, малыш, – добавляет мистер Бейли, похлопывая меня по плечу. Я улыбаюсь в ответ. – Ладно, дружок, мне пора. Еще один день – еще один доллар. – Затем он наклоняется, чтобы чмокнуть миссис Бейли в макушку, его

⁸ Gameboy – портативная игровая система, разработанная и произведенная компанией Nintendo.

глаза светятся от любви. Это так не похоже на моего отца. Даже когда родители Тео ссорятся, это не вызывает таких тяжелых эмоций, как это бывало, когда ругались мои родители. Мое сердце не пускается галопом, как дикая лошадь, а желудок не сжимается от паники.

Мистер Бейли очень милый. Он провожает нас до автобусной остановки каждое утро перед тем, как идти на работу в компьютерный офис со стаканом кофе. Он никогда не использует бумажный стаканчик с крышкой, как другие родители, когда стоят с нами на остановке; и я часто удивляюсь, как ему удается не пролить ни капельки. Полный стакан горячего напитка. От него исходит пар, словно маленькие клубы дыма. Мистер Бейли любит кофе почти так же, как он любит миссис Бейли.

Помахав рукой, он уходит, направляясь вниз по улице, и произносит на прощание:

– Замечательного дня.

Он всегда так говорит. Он никогда не желает нам хорошего дня или даже отличного дня – всегда только *замечательного*.

Интересно, если бы он пожелал моему отцу замечательного дня в тот самый день накануне «Страшной Ночи», могло ли сложиться все по-другому? Трудно делать плохие вещи, когда кто-то хочет, чтобы ты был замечательным.

Автобус с ревом появляется из-за угла, отчего Венди радостно подпрыгивает – ее хвостик вместе с ней. Она любит школу гораздо больше, чем я. Наверное, это потому, что у нее очень много друзей. Раньше у меня было больше друзей, но, когда в этом году начались занятия, все ребята очень странно на меня смотрели. Как и учителя. Наверное, все слышали о том, что случилось с моими родителями. Может быть, они думают, что, если они подойдут ко мне слишком близко, это случится и с ними.

Тео подсказывает с насиженного местечка под ярким кленом, передавая Gameboy матери. Она кладет его в сумку для подгузников, перекинутую через плечо, и наклоняется, чтобы обнять сына.

Невольно в памяти всплывают образы, как мы с мамой стояли на террасе нашего старого дома. Это был последний раз, когда мы обнимались под золотым небом. Воспоминания о запахах и чувствах обжигают меня изнутри. Мама пахла, как карамельные яблоки на летнем карнавале, и ее любовь ко мне была такой же сладкой. Я скучаю по этому.

Я скучаю по ней.

Подъезжает автобус, вырывая меня из воспоминаний. Джун издает детские звуки, напоминающие тарабарщину, и размахивает ручками под тентом коляски. Кажется, будто она машет мне на прощание.

Я непроизвольно улыбаюсь.

– Пока, Джун, – говорю я, мчась к школьному автобусу так, что рюкзак подпрыгивает у меня на спине. В последнюю секунду я оборачиваюсь и кричу: – Замечательного дня!

* * *

Тем же вечером я сижу за обеденным столом и чувствую себя подавленным. Мой день не был замечательным, хотя я и старался. На самом деле это был очень плохой день.

Уайетт собрал всех своих друзей, и они все вместе дразнили меня на детской площадке.

Они называли меня сиротой.

Бродягой.

Неудачником.

Я так долго плакал в туалете в одной из пустых кабинок, что директор Сеймур пошел меня разыскивать и привел в свой кабинет. Он дал мне маленький бумажный стаканчик с водой и леденец, а затем сказал мне посидеть на большом стуле на колесиках, пока мне не станет лучше.

Леденец был фиолетовым.

Я бросил его в мусорное ведро, пока он не видел.

Директор Сеймур позвонил маме Тео и рассказал ей обо всем, что произошло.

Она рано забрала меня из школы, и мы ехали всю обратную дорогу в тишине, а Джун сжимала мой палец, сидя рядом со мной в детском кресле. Это было единственное, что приглушало боль моего сердца.

За столом повисла тишина, я размазываю творог по тарелке, делая вид, что ем. Интересно, может быть, тут так тихо потому, что мистер и миссис Бейли злятся на меня за то, что я был у директора?

Рядом со мной раздается оживленный голос Тео, запикивающего себе в рот кусочки курицы. С набитым ртом он произносит:

– Я ученик недели. Мне нужно сделать постер о своей жизни. – Он болтает ногами под столом. – Ну круто же, да?

Миссис Бейли вытирает рот салфеткой. Ее волосы стянуты в огромный пучок, из которого торчит ручка. В ее волосах всегда есть ручка, а иногда две или три. Она сказала как-то, что делает это потому, что постоянно их теряет и что никогда не знаешь, когда тебе может понадобиться ручка.

– Как здорово, милый. Я возьму завтра все необходимое и захвачу пленочный фотоаппарат, чтобы распечатать несколько фотографий для твоего постера.

– Ты можешь сфотографировать меня с Брантом? Он же теперь мой новый брат?

Я хмурюсь, столовые приборы бьются о тарелку.

– Я не твой брат.

– Ты мой брат. Мама так сказала.

– Да нет же. Я твой друг, и я просто поживу здесь какое-то время, пока снова не смогу жить в своем доме.

Повисла тишина.

Тео делает удивленное выражение лица, пожимает плечами и снова приступает к поеданию курицы. Я поднимаю взгляд на его родителей: они оба уставились в тарелки, как будто хотят что-то сказать, но не знают что.

Наконец мистер Бейли, прокашлявшись, отвечает.

– Брант... ты не вернешься в свой старый дом. Там больше никто не живет. Твой новый дом здесь, с нами. – Он произносит это мягко, осторожно, но слова все равно звучат резко и жестоко. Категорично.

– Ты понял, сын?

Сын.

Нет, это все неправильно.

– Я не ваш сын, мистер Бейли. Мои родители – Кэролайн и Лукас Эллиотт.

Мама Тео прикусывает нижнюю губу, затем вытаскивает ручку из копны волос и крутит ее между пальцами. Она ничего ей не пишет. Она просто крутит ее по кругу, туда-сюда, словно это помогает ей думать.

– Брант, милый, я знаю, что это трудно. Я даже не могу представить, как тебе тяжело...

– Можно, я пойду? – вопрос вырывается сам по себе, и я отодвигаю нетронутую тарелку.

Они смотрят друг на друга какое-то время, потом мистер Бейли мне слегка кивает.

Я вскакиваю со стула и несусь по длинному коридору в комнату, которую мы делим с Тео. Джун спит в кресле-качалке, поэтому я замедляю шаг, когда прохожу мимо детской, а затем одним глазком заглядываю внутрь. Она выглядит такой безмятежной, такой невинной, и мне интересно, что же ей снится. Может быть, ее сны наполнены образами синих птиц, летающих высоко над радугой, – такими, как и снились мне, когда мама пела колыбельную.

Интересно, видит ли она во сне своих родителей, которые любят ее, которые живы и могут сказать ей об этом. А может быть, это она летит высоко над радугой, словно вольная птица, свободная от тревог и страхов.

И тогда я задаюсь вопросом...

Почему, о, почему я не могу так же?

* * *

Мне приснился кошмар.

Ужасный, отвратительный кошмар, напугавший меня так сильно, что я вылез из кровати весь в поту, а затем совершил плохой поступок.

Я забрал Джун.

Миссис Бейли иногда оставляет ее спать в детских качелях. Она как-то сказала, что Джун может проснуться, если ее положить в кроватку, – и тогда она уже не заснет. А миссис Бейли очень ценит сон.

К счастью для меня, сегодня одна из таких ночей.

Я стараюсь ступать как можно тише, пока пробираюсь по коридору в детскую Джун. Она уже не спит, но и не капризничает. Она просто лежит в своей качалке, перебирает ножками и издает милые звуки, которые я не способен расшифровать. Ее глаза такие большие и круглые, и я могу поклясться, что они начинают блестеть только для меня, когда я наклоняюсь над ней.

– Не бойся, малышка Джун. Я защищу тебя.

Мне требуется несколько минут, чтобы отстегнуть ремешок, – и когда она наконец освобождается, я прижимаю ее к груди и поднимаю на руки. Она определенно тяжела для такого крошечного существа.

Когда я несу ее по коридору к входной двери, то начинаю потеть еще больше. От этого мое дыхание ускоряется и становится прерывистым. Сердце колотится в груди.

Я не забыл взять ее любимое розовое одеяльце, чтобы она не замерзла, а также соску: Тео называет ее «ном-ном». Руки у меня заняты, поэтому я не смог прихватить Агги, так что мне придется вернуться за игрушкой позже.

Джун всегда была очень хорошим ребенком. Поэтому она практически не издает ни звука, когда я опускаю ее на дверной коврик, чтобы надеть кроссовки, накинуть легкую куртку и открыть входную дверь. Она только лепечет и сопит, когда я прижимаю ее к своей вздымающейся груди, а затем несу вниз по улице навстречу легкому ветерку.

Когда мы наконец останавливаемся у моего старого дома, она лишь улыбается беззубой улыбкой.

– Вот здесь я живу, Джун, – говорю я ей, мягко покачивая ее вверх-вниз, как это делает мама.

Джун щебечет в ответ:

– Га!

Папа Тео сказал, что здесь больше никто не живет, но это неправда. Это *мой* дом. Я здесь живу.

На газоне перед домом установлена табличка, на ней что-то написано большими буквами и изображено лицо незнакомого мужчины. Он счастлив и улыбается, и я задаюсь вопросом, не пытается ли он украсть у меня этот дом.

Я осторожно положил Джун на землю, она ворочается среди высокой травы и смотрит на меня, пока я бегу к террасе. На улице темно, и свет не горит, но я замечаю коробку, прикрепленную к дверной ручке, похожую на какой-то замок.

Дверь не поддается.

Как мне попасть внутрь?

Это неправильно. Это мой дом, и дверь должна открыться для меня и впустить внутрь. Меня охватывает грусть, поэтому я нервно царапаю руки, пока мой разум хаотично мечется в поиске возможного решения. Джун все еще выглядит довольной, ее щекочет ранний осенний ветерок, когда она обхватывает пальцами высокую травинку. Кажется, ей не холодно, но я все равно подхожу и закутываю ее в одеяльце поплотнее.

Выпрямившись, я пробегаю глазами по двору, и мой взгляд падает на почтовый ящик.

Любимые папины камни словно смотрят на меня, и мне в голову приходит идея.

Сердце пропускает удар.

И прежде чем успеваю одуматься, я уже несусь к почтовому ящику, сжимая в ладони проклятый камень.

Ты не должен этого делать, Брант.

Это все неправильно.

О, но я должен...

У меня внутри идет борьба, пока я пробираюсь обратно к дому и останавливаюсь перед главным окном.

Я сглатываю ком в горле вместе со страхом и оглядываюсь через плечо на Джун, бормоча два слова, которые преследуют меня после «Страшной Ночи»:

– Закрой уши.

Затем я поворачиваюсь и со всей силы бросаю камень прямо в окно.

Стекло разбивается. Я подскакиваю на месте. Джун начинает плакать.

– Все в порядке, Джун. Я скоро за тобой вернусь.

Метнувшись к дому, я начинаю пролезать через разбитое окно и тут же режу руку о расколотое стекло, пытаюсь проникнуть внутрь. Из раны сочится кровь. Голова идет кругом, все плывет.

Не останавливайся. Не останавливайся.

Не обращая внимания на резкую боль, я продолжаю пролезать внутрь, пока не падаю, приземлившись на спину. Мгновенно переведя дух, я поднимаюсь и бегу к входной двери и открываю ее. Я выбегаю во двор, чтобы забрать плачущую Джун, а затем, пошатываясь, иду в дом, закрывая за собой дверь.

– Ш-ш-ш... не плачь, малышка Джун. Все хорошо. Я с тобой, – успокаиваю я ее, качая на руках. Я в ужасе замечаю, что запачкал кровью ее розовое одеяльце. – О нет...

Так много крови.

Порез на моей ладони выглядит устрашающе, и я не могу остановить кровотечение. Джун, должно быть, чувствует мое смятение и закатывается в плаче еще громче.

Я должен быть храбрым. Джун нуждается во мне. Мой дом нуждается во мне.

Положив Джун на уже обновленный ковролин, я стягиваю с нее одеяльце и обматываю им рану. Папа частенько смотрел фильмы, где было много крови, и люди иногда так делали. Они обматывали раны полотенцем или тканью.

На том успокоившись, я склоняюсь над Джун и глажу ее шелковистые кудряшки здоровой рукой.

– Со мной ты в безопасности. Обещаю.

Она немного успокаивается, губы слегка подрагивают, а крики переходят в тихое всхлипывание. Интересно, сильно ли она испугалась... Я *очень надеюсь*, что нет. Я обещал, что всегда буду оберегать ее, но как бы я смог защитить ее, если я здесь, а она там, в другом доме?

Я был вынужден забрать ее, просто *был вынужден*.

Убедившись, что Джун успокоилась, переключив внимание на ворс ковролина, я поднимаюсь по лестнице в свою старую спальню в поисках Бабблза. Я бы взял Джун с собой, но не уверен, что смогу с ней подняться по лестнице. Руки слишком ослабли. Вместо этого мне при-

дется спустить для нас вниз одеяла и подушки вместе с Бабблзом и моим любимым ночником, чтобы разогнать темноту.

Я поднимаюсь по ступенькам, иду по коридору, сердце бешено колотится. У меня кружится голова, я рвусь увидеть свою старую комнату впервые после «Страшной Ночи».

Только... восторг угасает, когда я переступаю порог.

У меня перехватывает дыхание.

Слезы застилают глаза.

Все исчезло.

Моей комнаты больше нет. Это просто пустая оболочка.

Стены абсолютно белые. Ярко-голубой цвет, который напоминал мне летнее небо, перекрасили. Моя мебель пропала. Постеры сорвали, словно их никогда и не было. Даже моя кровать исчезла.

Бабблз бесследно исчез.

Бабблз, где же ты?

Я падаю на колени, сраженный горем. Все исчезло.

Уайетт и его друзья были правы: я просто сирота, неудачник. Я потерял все.

Сквозь пелену слез пробивается тоненький плач Джун, и я вспоминаю, что она нуждается во мне.

Я потерял не все... *У меня все еще есть Джун.*

Всхлипывая, я спускаюсь по лестнице, проводя тыльной стороной ладони по лицу, дабы избавиться от слез.

– Прости меня, Джун, – шепчу я, опустившись рядом с ней на ковер. Моя рука пульсирует от боли, но я не обращаю внимания. – Я не хотел оставлять тебя так надолго.

Она произносит «га-га», когда я обхватываю ее и притягиваю к себе. Мы лежим посреди гостиной, в том самом месте, где я нашел своих родителей. По лицу катится слезинка, и я смотрю в потолок, как делала мама, когда молилась по ночам.

– Я здесь, – говорю я вслух. – Я дома.

Интересно, летают ли мама с папой высоко над радугой в ожидании меня? Может быть, они не могли найти меня, потому что я был не здесь и они не знали, где меня искать.

«Сейчас я здесь», – повторяю я про себя снова и снова.

Может быть, они наконец-то вернутся за мной.

Может быть, они полетят домой.

* * *

Мои родители меня, конечно же, так и не нашли, но нашли другие.

Родители Гэри Киблера, если быть точным.

Они жили по соседству, и в ту ночь их разбудил подозрительный звук. Это был я, когда бросил камень в окно: Бутч Кэссиди⁹ в миниатюре.

Киблеры привели нас домой, к ужасу Саманты и Эндрю.

У Саманты началась истерика. Настоящая истерика. За все годы, что я ее знаю, я видел Саманту Бейли плачущей всего три раза, и это был один из них.

Второй и третий раз произошли гораздо позже.

Мне наложили швы на левую руку, но чудесным образом мальшика Джун вернулась домой без единой царапины. Я пообещал, что со мной она в безопасности, и сдержал слово.

Я держал его долгое время.

Так долго, как только мог.

⁹ Бутч Кэссиди (англ. Butch Cassidy) – известный американский грабитель банков и поездов, а также лидер «Дикой банды».

*Но... я должен был знать, что никто не может держать подобное обещание вечно.
Даже мама.*

Но я к этому еще вернусь. Во-первых, вы должны знать, что та ночь открыла новую главу для меня и семьи Бейли. Это был не только последний раз, когда я переступил порог дома моего детства, но вскоре я покинул и дом Бейли.

Менее чем через два месяца мы переехали.

Глава четвертая «Первый шаг»

Брант, 8 лет

– Подходящий денек, чтобы кого-нибудь спасти, – кричит Тео. – Поторопись, Пич! – бросает он нам через плечо, в то время как я плетусь позади вместе с Джун, которая уже выбивается из сил. Ей всего два года, и у нее слишком маленькие ножки.

Она хмурится, что выглядит скорее очаровательно, чем злобно.

– Я Джун! – кричит она в ответ.

Тео называет ее Пич, как в «Марио», но Джун это не нравится.

Мы несемся по заднему двору нашего дома, где растет множество фруктовых деревьев, здесь есть огородик и домик на дереве, специально сделанный мистером Бэйли.

Мы живем здесь уже почти два года, и, наверное, это мое самое любимое место на свете по нескольким причинам.

Во-первых, здесь ничто не напоминает мне о «Страшной Ночи». Мне не приходится выглядывать из окна и видеть подъездную дорожку моего старого дома, вглядываться в знакомые кирпичи и камни, пока я жду автобус на остановке. Мне не приходится проезжать на велосипеде мимо унылого, заросшего газона или смотреть на террасу и вспоминать момент, когда мама в последний раз назвала меня хорошим мальчиком.

Во-вторых, у меня есть своя отдельная комната. Бейли позаботились о том, чтобы купить дом с дополнительной комнатой специально для меня. И хотя я провожу немало времени в комнате Тео, играя в видеоигры и сооружая крепости, еще больше времени я нахожусь в комнате Джун: мы собираем пазлы, складываем кубики; у меня есть личное пространство, чтобы рисовать и делать домашние задания. У меня есть собственная кровать, где я могу помечтать в одиночестве.

Миссис Бейли каждый вечер укладывает меня спать и читает мне сказки, напоминает о том, что мама присматривает за мной.

Я засыпаю немного легче, представляя, как мама, широко улыбаясь, парит над радугой, окутанная ароматом карамели и яблок.

И в-третьих... Джун сделала свои первые шаги в этом дворе в свой первый день рождения.

Оказывается, она родилась ранним утром первого июня, поэтому мистер и миссис Бейли дали ей такое имя. Она родилась примерно в то же время, когда умерли мои родители, и я пока не знаю, что об этом думать. Знаю только, что на первый день рождения Джун мне было грустно, очень грустно. Все ходили по дому молчаливые и подавленные, не зная, что мне сказать. Я бы даже и не знал, что это была годовщина со дня «Страшной Ночи», но Тео проболтался во время марафона видеоигр, сказав мне, что он подслушал разговор своих родителей.

Тетя Келли заходила в гости, насыпала мне полную ладонь разноцветных Skittles, убрав все фиолетовые, разумеется, и поцеловала меня в щеку, которая стала мокрой от ее слез. Она сказала мне, что навестила могилу матери. Я не захотел с ней пойти, поэтому она сказала, что попробует снова в следующем году.

Но вот и наступил... следующий год. Прошел целый год, а я опять никуда не пошел.

Я хотел остаться здесь и отмечать второй день рождения Джун, потому что, когда Джун исполнился годик, произошла удивительная вещь.

Она пошла.

И не просто пошла... она пошла прямо *ко мне*. Нетвердой походкой она зашагала прямо ко мне в руки.

Никто не мог в это поверить.

Джун широко улыбалась и произнесла мое имя настолько отчетливо, насколько могла. Было немного похоже на «Бант». Сейчас она уже произносит его получше, но все еще не выговаривает букву «р».

– Не удивай, – говорит мне Джун. Она еле перебирает ногами, поэтому останавливается, запыхавшись и приняв невероятно драматичный вид.

– Мы не так и много пробежали. – Я сажусь.

Она плюхается в сочную траву, ее плюшевый слоник падает рядом с ней.

– Агги устав.

Тео замедляет шаг, разочарованно простонав в пяти футах от нас.

– Мы еще даже не добрались до замка с привидениями.

Замок с привидениями – это домик на дереве. Он же и заколдованный замок, и подземная пещера, и яма, полная лавы, и цитадель зла, и волшебная башня. Джун слишком маленькая, чтобы забираться по лестнице, поэтому мы сделали крепость внизу, специально для нее. Она принцесса, а мы герои.

Это наша любимая игра.

Ну... во всяком случае, это наша с Тео любимая игра. Джун предпочла бы играть в бассейне с шариками и смотреть Blue's Clues¹⁰ весь день, поедая крекеры Goldfish.

– Сейчас будем! – кричу я. – Джун хочет отдохнуть.

– Просто посади ее себе на спину и неси, Брант. Время на исходе.

Джун оживает и прыгает ко мне на руки.

– Покатай на спинке!

– Ладно, ладно, запрыгивай.

Я усаживаю Джун себе на спину, она руками обхватывает меня за шею, а ногами обвивается вокруг талии. Она по-прежнему очень тяжелая для маленькой тряпичной куколочки. Наклонившись вперед, чтобы Джун не соскользнула, я обязательно хватаю Агги, и мы медленно движемся к домику на дереве, где Тео уже нас ждет, представляя, что борется со злым духом при помощи веточки.

– Не волнуйся, Пич... Я спасу тебя! – кричит он.

Джун недовольно фыркает и сползает со спины на пол.

– Ты гвупый.

Она не выговаривает еще и букву «л».

Я сажусь в надувное кресло – мистер Бейли специально их для нас накачал, – и Джун, последовав моему примеру, запрыгивает ко мне на колени. Ее светло-коричневые волосы щекочут мне нос, они пахнут детской присыпкой и сиренью, что растет возле террасы у входа в дом. У нее волшебные волосы: зимой они темнеют, становясь почти коричневыми, а летом выгорают, принимая золотой оттенок.

Джун вертится у меня на коленках, прижимая пухлые ручки к моему лицу.

– Бант. Истовию.

Ее глаза светятся голубым светом в полуденной дымке. Они светлые, светло-голубые, даже светлее, чем глаза миссис Бейли. Иногда мне даже кажется, что я могу смотреть сквозь них.

– Хочешь, чтобы я рассказал тебе историю?

Она решительно кивает.

– Хорошо, Джун. Я расскажу тебе историю... – И тут я прижимаю ее к одеялам, которыми устлан пол нашей крепости, и с упоением начинаю ее щекотать.

– После того как я тебя пощекочу!

¹⁰ Blue's Clues («Подсказки Бульки») – образовательный мультсериал для дошкольников, вещающий на Nickelodeon и Nick Jr.

От ее смеха мне становится тепло, она дергается всем телом, когда пытается увернуться от моей атаки.

– Нееть! Нееть!

Я задираю ей футболку, с принтом мороженого в рожке, и начинаю щекотать ее круглый животик.

Она смеется еще сильнее. Она смеется так сильно, что ее лицо становится красным, как спелая клубника.

– Я спасу тебя, Джун!

Тео бросается в бой, размахивая передо мной невидимым мечом, пока я не падаю назад, притворяясь побежденным. Я прикидываюсь мертвым.

– Супер Марио спешит на помощь, – трубит он, и я приоткрываю глаза, наблюдая, как он ставит Джун на нетвердые ноги и поднимает ее руку в воздух в знак победы.

Я усаживаюсь прямо:

– Я Луиджи, помнишь? Ты не должен убивать Луиджи.

– Ты был плохим парнем в этой сцене.

– Бант не пвохой, – встает Джун на мою защиту. Она бросается ко мне, падает рядом на одеяла и прижимает колени к груди. – Он ховоший.

– Ладно, думаю, он хороший, – соглашается Тео. Рыжеватые волосы падают на глаза, и он убирает их назад. Веснушки усеивают его нос и щеки, и мне интересно, будут ли веснушки у Джун. Сейчас у нее фарфорово-бледная кожа, как у одной из бабушкиных фарфоровых куколок. Тео бредет к нам и, скрестив ноги, садится передо мной, проводя пальцем по пятнышку грязи, которая пробивается сквозь кучу одеял. – Кем ты хочешь стать, когда вырастешь, Брант?

Я задумываюсь. Раньше я об этом и не думал. Я в третьем классе, и мы узнаем о стольких интересных профессиях: пожарных, врачей, учителях и пилотах. У меня в голове крутятся мысли о том, кем я могу стать, поэтому у меня вырывается:

– Я хочу готовить для людей.

Мама любила готовить, а я любил есть, что она приготовила. Папа постоянно был недоволен, но я никогда не понимала почему. Она так вкусно готовила.

Я хочу готовить вкусную еду, как моя мама.

Тео не отрывает взгляда, зачарованный божьей коровкой, которая ползет по его пальцу.

– Ты имеешь в виду, как шеф-повар?

– Думаю, да. Точно.

– Это круто, – кивает он. – А я хочу спасти людей.

Я морщу лоб в замешательстве:

– Спасать людей?

– Да, я хочу спасти кого-нибудь однажды. Знаешь, как когда мы играем в супергероев и побеждаем всех монстров и плохих парней. Мы всегда побеждаем, – поясняет он, все еще замороженно наблюдая за божьей коровкой, ползающей по костяшкам пальцев. – Я хочу спасти. Вот чем я хочу заниматься.

Мне нравится эта идея. Тео однажды станет отличным спасателем: он всегда заботится о Джун и присматривает за мной, а также следит, чтобы другие дети меня не обижали.

Несмотря на то что мы переехали в другой дом, я и Тео остались в той же самой школе. Мне все еще приходится сталкиваться с кошмарными близнецами Нипперсинк: Венди и Уайеттом, вместе с их бандой задир.

Однажды на школьной площадке Уайетт бросил в меня камень. Он сказал, что слышал о том, что я сделал той ночью, когда разбил окно старого дома, поэтому он и бросил в меня камень. Было немного, но Тео это увидел.

Тео подошел к нам и ударил Уайетта Нипперсинка прямо в живот, сказав:

– Если ты еще раз обидишь Бранта, клянусь жизнью сестры, я сломаю тебе коленные чашечки, а потом спрячу твою инвалидную коляску, так что тебе придется ползать, как маленькому ребенку. И тогда уже мы будем над тобой смеяться.

Его отстранили от занятий в школе, что означало, что он должен был остаться дома на несколько дней.

Так круто.

После этого Уайетт нечасто со мной разговаривал, и все остальные дети оставили меня в покое. Даже Венди перестала показывать мне язык.

Вот откуда я знаю, что из него выйдет отличный спасатель.

– Божья кововка!

Джун опускается на колени, блестящие локоны падают ей на лицо. Она наклоняется, чтобы посмотреть на крошечное, пятнистое существо, ползущее по тыльной стороне руки Тео, и замирает от восторга.

– Верно, – говорю я, придвигаясь ближе. – Это божья коровка.

Она счастливо улыбается, на щеках появляются ямочки, а в глазах вспыхивают отблески звезд. Мне всегда кажется, что у нее в глазах сверкают звезды даже при свете дня. Джун поднимает голову, смотрит прямо на меня, затем показывает пальцем на себя:

– Джун... баг¹¹.

Сначала я немного растерялся, а потом она замахала руками, как птица... или жук?

– Джун... баг, – повторяет она, делая движение, словно летит по воздуху. – Квасивый жук.

– А-а, бабочка? – размышляю я.

Она кивает в знак согласия.

Несколько месяцев назад я сказал Джун, что мы с Тео хотели назвать ее Бабочка. Потом я нашел в ее комнате несколько книжек с картинками, в которых подробно описывались разнообразие яркие насекомые, и я остановился на бабочке с абрикосовыми крылышками. Она была в восторге.

– Джун, баг, – повторяет она, довольная ассоциацией.

Я улыбаюсь. А потом слова проникают в сознание, крутятся в голове, как некое открытие, готовое вырваться на поверхность.

– Джунбаг¹².

– Джунбаг, – радостно повторяет она.

Тео поднимает голову, спрашивая:

– Что это?

– Так я буду называть Джун, – отвечаю я.

Уверен, это красивый жук. Уверен, он такой же красивый, как бабочка.

Джун восторженно хлопает в ладоши, потом возвращается ко мне на колени. Она утыкается в меня носом, ее теплое дыхание согревает мне грудь.

– Джун влюбит Банта.

Я обнимаю ее, мое сердце словно укутали в пушистый плед. Мы все остаемся в нашей «крепости», пока солнце не начинает скрываться за горизонтом, забирая с собой свет. Тео лежит на животе, болтает ногами, поглощая комиксы один за другим. Мы рассказываем друг другу истории и придумываем замысловатые сюжеты, чтобы разыграть их после школы на следующий день. Мы смеемся, дразнимся и шутим, наше воображение такое же живое, как поцелованное солнцем небо. И к тому времени, когда мистер Бейли приходит с работы и загоняет

¹¹ Bug (англ.) – одно из значений «жук»; (англ.) ladybug – божья коровка.

¹² Junebug (англ.) «Джунбаг»: дословно «июньский жук», присутствует игра слов: June (англ.) – «июнь»/имя Джун; bug (англ.) – «жук».

нас в дом, Джун засыпает у меня на коленях, слюнявя мне футболку. Ее тонкие прядки волос щекочут мне подбородок.

Я целую ее в висок и направляюсь к дому.

– И я тебя люблю, Джунбаг.

На следующий день у меня еженедельный прием у доктора Шелби.

Она добрая женщина, а голос у нее мягкий, как пушистое облачко. Доктор Шелби не похожа на обычного доктора: она не тыкает в меня металлическими палочками, не светит мне прямо в глаза, не давит холодными пальцами в живот.

Она просто разговаривает со мной, играет, а иногда мы вместе даже рисуем. Я смотрю на нее, расположившись на ярко-оранжевом коврике, и бесцельно вожусь с ярким лабиринтом из бисера. Доктор Шелби наблюдает за мной, сидя нога на ногу, с блокнотом на коленях. Она постукивает карандашом по записной книжке, дружелюбно улыбаясь.

– Тебе нравится лабиринт из бусин, – замечает она, кивая на игрушку передо мной. – Ты всегда сначала играешь с ним.

Я киваю, перекатывая разноцветные бусинки по тонкому металлическому стержню.

– Это любимая игрушка Джун. Она напоминает мне о ней.

Мы часто говорим о Джун. Моя первая встреча с доктором Шелби произошла почти сразу после инцидента в моем старом доме: в ночь, когда я забрал Джун и так сильно порезал руку, что мне пришлось накладывать швы. У меня на ладони до сих пор остался шрам.

Доктор Шелби задавала мне вопросы о той ночи, спрашивала, почему я сделал то, что сделал. Она хотела знать мои мысли. Но в основном она спрашивала меня, почему я забрал Джун. Она задавала мне этот вопрос очень много раз, и мне интересно, рассчитывала ли она услышать от меня другой ответ.

Другого ответа она от меня так и не услышала.

– Потому что я пообещал ей, что всегда буду ее защищать, – ответил я.

Сейчас я понимаю, что в ту ночь в действительности подверг Джун *еще большей* опасности, и я жалею об этом. Но тогда я был всего лишь несчастным, испуганным мальчишкой, давшим обещание маленькой девочке, которое не хотел нарушать.

Доктор Шелби располагается на диване напротив меня, делая какие-то заметки.

– Как дела у Джун? Научилась ли она чему-нибудь новому на этой неделе?

– Да! – Я сразу же оживляюсь: я люблю говорить о Джун и обо всех забавных вещах, которым она научилась. – Она научилась крутить педали на своем трехколесном велосипеде. У нее ушло немало времени, чтобы научиться двигать ногами в правильном направлении, но она была так счастлива, когда поняла, как это делать. Она самая умная девочка из всех, кого я знаю.

– Ей очень повезло, что у нее есть два старших брата, на которых она может равняться, когда подрастет.

Я перестаю возиться с бусинками и поднимаю на нее взгляд.

– Я не ее брат. Я единственный ребенок, – объясняю я. – Мама не приносила домой больше детей.

Доктор Шелби на мгновение замолкает, потом что-то пишет в блокноте.

– Бейли усыновили тебя, что делает тебя приемным братом Тео и Джун.

– Нет, у меня нет ни брата, ни сестры. Я единственный ребенок.

Снова тишина. Еще больше заметок.

– Хорошо, Брант, давай поговорим о вещах, которые делают тебя счастливым. Как тебе такая идея?

– Нормально, – говорю я, пожимая плечами, и опираюсь на ладони. – Такие вещи, как Джун, да?

– Конечно. А что еще?

Я прикусываю губу:

– Видеоигры с Тео. Сладости, например, маффины и торты. Бабблз, хотя его уже нет. Но в основном Джун.

– Это здорово, – говорит она, улыбаясь. – Может быть, ты сможешь вспомнить еще что-нибудь и расскажешь мне об этом на следующей встрече.

Когда я уходил домой в тот день, я все еще думал об этих вещах. Я думал о том, что делает меня счастливым, весь ужин, а также продолжал это делать, когда принимал ванну, и когда мистер Бейли помогал мне с домашним заданием по математике, и когда я укладывал Джун в ее новую детскую кроватку, и когда сам наконец опустил голову на подушку.

Миссис Бейли садится рядом со мной на кровать, и она поскрипывает под ее весом.

– У тебя сегодня был хороший день, Брант?

Она всегда спрашивает меня об этом. Я смотрю на ручки, торчащие из ее белокурого пучка волос, и про себя отмечаю, что одна из них – ручка Тео с «Марио». Это заставляет меня улыбнуться.

Это делает меня счастливым.

– Думаю, да – говорю я ей, перебирая пальцами край одеяла. – Доктор Шелби хочет, чтобы я подумал о вещах, которые делают меня счастливым.

– Мне нравится эта идея. Держу пари, ты можешь припомнить немало всего.

Забравшись под одеяло, я киваю:

– Ага. – Когда я собираюсь развернуться и улечься спать, меня вдруг осеняет. Это то, что раньше делало меня очень, очень счастливым. Я моргаю и затем смотрю на миссис Бейли с любопытством: – А вы можете... спеть мне колыбельную?

Ее улыбка становится шире, освещая лицо, совсем как когда улыбается Джун.

– Конечно. Может быть, какую-то определенную хочешь послушать?

Я сглатываю ком в горле:

– Моя мама пела мне одну. Я не могу вспомнить строки... но там были синие птицы и радуга. От этих слов мне становилось радостно, но песня звучала грустно.

– Кажется, я знаю эту песню. – Миссис Бейли придвигается ко мне поближе, прижимает кончики пальцев к моему лбу, убирая в сторону мою взъерошенную челку. Она прокашливается. – Скажешь мне, та ли это...

В тот момент, когда она начинает напевать мелодию, меня окутывает знакомое чувство. На глаза мгновенно наворачиваются слезы.

– Это она, – прохрипел я, чувствуя, как перехватывает дыхание. – Это та самая колыбельная.

Она перестает напевать и говорит мне:

– Она называется «*Выше радуги*». Одна из моих любимых.

– Мама долго не пела ее, потому что говорила, что иногда от нее начинала плакать. Но она спела мне ее в ту ночь... – Мой голос дрогнул, слезы покатались по лицу. – Она спела мне ее в ту ночь.

Глаза миссис Бейли блестят от слез, она прикусывает губы и тяжело вздыхает.

– Хорошо, Брант, – шепчет она, осторожно проводя по моим волосам. – С этого момента я буду тебе ее петь. Я буду петь ее тебе каждую ночь до тех пор, пока ты не станешь слишком взрослым для колыбельных.

* * *

И она пела.

Каждую ночь, пока я не стал слишком взрослым для колыбельных, Саманта Бейли укладывала меня в постель, гладила по волосам легкими прикосновениями и пела мне эту песню. Я

ждал этого с нетерпением. Это словно позволяло мне быть ближе к маме, словно она никогда и не покидала меня.

А потом я начал петь ее Джун.

Только я немного изменил слова.

«Где-то, выше радуги, летают июньские жучки...»

Глава пятая «Первый танец»

Брант, 10 лет

– Замечательного дня.

Мистер Бейли потягивает горячий кофе из стакана, стоя на краю утопающей в зелени длинной подъездной дорожки. Сегодня он в халате и тапочках-утконосах, на которые пристально смотрит водитель автобуса. Я даже не знал, как выглядит утконос, пока не увидел его тапочки.

– Пока, мистер Бейли. Увидимся после школы.

Тео бежит впереди меня, поднимается по ступенькам автобуса и машет, обернувшись. Я задерживаюсь на мгновение, мой взгляд прикован к парадной двери нашего дома, я жду, не помашет ли мне на прощание знакомый маленький силуэт. Иногда Джун просыпается слишком поздно, поэтому мне не всегда удается ее увидеть перед школой.

Такие дни кажутся мне чуть менее замечательными.

Тяжело вздохнув, я опускаю голову и поворачиваюсь к школьному автобусу.

– Бвант! Подожди!

Сердце начинает радостно биться.

До меня доносится звук закрывающейся двери, я поворачиваюсь и вижу Джун: она, босоножая, несется изо всех сил по подъездной дорожке. Агги болтается в руке, ночная рубашка волочится по земле, а волосы разлетаются на ветру.

– Брант, пора ехать, – объявляет водитель автобуса.

– Одну минуту, мисс Дебби!

Мистер Бейли качает головой – ему явно немного неловко за задержку, но он не говорит мне поторопиться или идти дальше.

Джун бросается ко мне в объятия, чуть не сбив меня с ног.

– *Мечатель* дня, Бвант! – говорит она, сжимая меня так сильно, что я хриплю. «Мечатель» означает «замечательного»; в следующем месяце ей будет всего четыре года, поэтому у нее не хватает словарного запаса. Потом она активно машет рукой в сторону школьного автобуса, туда, где Тео высовывает руку через приоткрытое окно. – Пока, Тео!

– Пока, Пич! – кричит Тео в ответ.

– Брант... – повторяет водитель автобуса. – Последнее предупреждение.

– Хорошо, извините! – Я отпускаю Джун, улыбаясь на прощание, и шагаю обратно к автобусу. – Увидимся после школы, Джунбаг. Не могу дождаться твоего завтрашнего выступления.

Она перебирает пальцами подол ночной рубашки с принтом «Русалочки», ее медные волосы подпрыгивают в такт. В эти выходные у Джун состоится ее первый концерт. Она занимается с прошлой осени, и я не могу дождаться, когда увижу, как она будет выступать, наряженная в платье-леденец.

– Я танцую! – говорит она, подпрыгивая вверх-вниз. – Пока!

Наконец я захожу в школьный автобус, где мисс Дебби цокает языком. Она вздыхает и закрывает за мной автоматическую дверь.

– Если бы вы двое не были такими чертовски милыми, я бы уехала без тебя.

Я смущенно пробираюсь между сиденьями в поисках свободного места. К моему удивлению, Венди Нипперсинк постукивает по сиденью рядом с собой.

– Ты можешь сесть со мной, Брант, – говорит она, глядя в мою сторону с нечитаемым выражением лица.

Я медлю какое-то время, но не хочу больше задерживать автобус, поэтому опускаюсь на сиденье. Наклоняясь через Венди и ее дьявольские волосы, я машу Джун и мистеру Бейли,

когда автобус начинает отъезжать. Мистер Бейли крепко сжимает Джун в одной руке, а в другой держит кружку с кофе.

Они оба улыбаются нам вслед, когда автобус исчезает на тихой улице, и могу поклясться, что тапочки-утконосы тоже улыбаются.

– Почему у твоего папы на ногах большие коричневые утки?

Венди пристально смотрит на меня не менее большими карими глазами, ее ресницы такие длинные, что почти достигают до бровей.

– Он не мой папа.

– Он твой папа.

– Нет. Он папа Тео.

Она разворачивается и становится на сиденье, чтобы увидеть Тео, сидящего сзади.

– Твой папа – это же и папа Бранта, так?

Я раздраженно вздыхаю, не оборачиваясь.

Тео отвечает:

– Нет, он мой папа. И папа Джун. Брант просто живет с нами.

– Глупость какая-то. – Венди фыркает, демонстрируя свое несогласие, и звучно приземляется обратно на задницу. Боковым зрением я вижу, как она наблюдает за мной, но не решаюсь взглянуть на нее. – Так почему он носит тапочки с утками?

– Не с утками. Это утконосы.

– Такого не бывает.

– Хорошо, Венди. Такого не бывает. – Она меня очень раздражает, поэтому я скрещиваю руки на груди, откидываю голову назад и закрываю глаза.

Она тычет пальцем мне под ребра.

– Что? – рявкаю я.

– Хочешь поиграть сегодня после школы?

Венди никогда не приглашает меня поиграть, так что, скорее всего, она замышляет что-то недоброе.

– Нет, спасибо.

– Почему нет?

– Потому что ты всегда ко мне плохо относишься. Ты мне не особо нравишься.

– А может быть, ты мне нравишься.

Я непроизвольно распахиваю глаза. Она внимательно на меня смотрит невинным взглядом, но я-то хорошо ее знаю.

– Ты врешь. Ты называла меня чмошником.

– Это было до того, как ты мне понравился, – отвечает она спокойно, как будто мы говорим о классной работе или о чем-то незначительном. Она резко дергает себя за высокий хвостик, наклоняя голову набок. Глаза цвета корицы блестят, когда она смотрит на меня, и с довольной улыбкой бормочет:

– Ты мне правда нравишься, Брант Эллиотт. Вот увидишь.

* * *

Джун – самый милый маленький леденец, который я когда-либо видел.

Она несется мне навстречу из уборной, придерживая руками фатиновое радужное платье для выступления. На ее губах красуется ярко-розовая помада цвета орхидей, принадлежащая миссис Бейли. Когда Джун начинает кружиться в фойе, на ее коже переливается глиттер. Ее окутывает облачко лака для волос, отчего идеально уложенный пучок остается застывшим, как статуя, пока она подпрыгивает вверх-вниз.

– Посмотрите на меня! Мама сдевала меня такой же квасивой, как она.

Миссис Бейли хихикает, следуя за Джун; она покрашена такой же помадой, а волосы аккуратно уложены в пучок: ни одна ручка из него сегодня не торчит.

Творческий вечер, в котором участвует Джун, проходит в центре искусств местного колледжа. Мы все ожидаем в фойе, пока танцоры расходятся по своим классам, где они будут дожидаться выступления на большой сцене в концертном зале.

Тео примостился на соседнем стуле, пытаясь спрятаться в мешковатой толстовке, потому что, вероятно, заметил Монику Портер, одетую в расшитое блестками платье павлина. Я думаю, что он запал на Монику Портер, но это не объясняет, почему он прячется. Он высовывает голову из серой ткани, чтобы взглянуть на Джун.

– Посмотри на себя, Пич. Ты выглядишь как настоящая танцовщица.

– Я и есть, глупый! Смотри. – Джун кладет руки на бедра, затем сгибает колени. – Пвие... – Она поднимается обратно. – И пвямо!

Мы все хлопаем.

Мистер Бейли выглядит так, будто вот-вот расплачется, когда опускается на колени перед Джун, взбивая подол платья.

– Моя малышка выступает на своем первом концерте...

– Я не мавышка, папа. Мне почти четыре. – Она показывает пять пальцев.

– Точно. Как я мог забыть?

Грациозно скользя по паркету, Джун широко улыбается, пока разноцветные блестки ее наряда переливаются, как призма. На щеках – розовые румяна в тон губной помаде, а к пучку прикреплен красочный аксессуар, напоминающий вертушку. Светло-каштановые волосы сверкают, как золото под искусственным освещением. Она поворачивается ко мне, ее улыбка такая же ослепительная, как и ее платье.

– Ты потанцуешь со мной, Бвант?

– Танцевать с тобой? Я не умею танцевать, Джунбаг. У меня это не очень получается.

– А вот и повучится. Мама говорит, что нужно вевить в себя.

Мои губы расплываются в улыбке. Миссис Бейли часто так говорит. Однажды, после того, как меня преследовала череда кошмаров о «Страшной Ночи», она сказала мне, что наш разум – это самый мощный инструмент, которым мы обладаем. Все, во что мы верим, обязательно воплощается в реальность. Это напомнило мне мою любимую песню о радуге.

Потянувшись к Джун, я киваю, принимая предложение:

– Хорошо, я потанцую с тобой.

Она радостно вопит, подпрыгивая вверх-вниз в своих балетных туфельках, после чего бросается прямо в моих объятия. Я неуклюже ее кружу, смеясь до боли в животе.

– Давайте я вас сфотографирую, – вмешивается миссис Бейли, роясь в своей огромной сумочке. – Вы двое, замрите.

Джун обхватывает меня своими маленькими ручками, прижимаясь ко мне щекой.

– Сыр!

Сработала вспышка.

– Теодор, иди сюда. И сними эту ужасную толстовку: ты прячешь милую жилетку, которую бабушка для тебя связала.

Тео неохотно тащится к нам, его взгляд мечется по сторонам, сканируя толпу в поисках знакомого светловолосого «павлина».

– Ага, да. Я иду.

Мы делаем целый ряд фотографий, а потом две преподавательницы танцев подходят к нам, чтобы забрать Джун. Одна из женщин наклоняется и протягивает ей руку.

– Джун Бейли, посмотри, какая ты красавица. Пора идти, – говорит она мягко. – Ты рада танцевать перед родителями сегодня?

Я удивляюсь, когда ее улыбка исчезает, а глаза расширяются от страха. Она качает головой.

– Нет? Ты нервничаешь?

Она кивает.

Меня охватывает грусть. Я не хочу, чтобы Джун нервничала, она так хотела танцевать на большой сцене. Я опускаюсь рядом с ней на колени, сжимаю ей руку, пока она не поворачивается ко мне лицом. Бледно-голубые глаза блестят от слез.

– Джунбаг, что случилось? Почему ты нервничаешь?

Миссис Бейли выглядит взволнованной, кладет сумочку и тянет Джун за запястье.

– Пойдем, Джун. Твои преподаватели ждут.

– Нет!

– Дорогая, все в порядке. Это то, ради чего ты тренировалась весь год. – Краска заливает лицо миссис Бейли, шея начинает краснеть. Она снова тянет Джун. – Ты прекрасно выступишь. Обещаю.

Джун вырывается и бросается ко мне, все еще стоящему на коленях. Она обхватывает меня за шею, прижимаясь к груди. Ее нижняя губа дрожит.

– Ты будешь со мной танцевать, Бвант?

– Но я не могу. Я не балерина, как ты, я даже не тренировался.

– Я покажу тебе свои движения, ховошо? Смотри...

Она делает шаг назад и начинает кружиться, но я останавливаю ее.

– Мне жаль, но я не могу. Ты должна быть храброй и сделать все сама.

– Мне не нравится быть хвабвой, – дуется она, прижимая подбородок к груди.

Учителя беспокойно расхаживают рядом с нами, одна из них поглядывает на наручные часы.

Я прочищаю горло и приподнимаю лицо Джун за подбородок, чтобы она посмотрела на меня. По румяной щеке катятся слезинки – я смахиваю их.

– Трудно быть храбрым. И страшно тоже, – объясняю я. – Но самое лучшее в храбрости – это чувство, которое наступает после.

Она фыркает:

– Какое?

– Думаю, это гордость. Ты гордишься собой за то, что сделал это трудное дело. Все остальные тоже гордятся тобой, и это очень приятно. – Я поднимаю взгляд на миссис Бейли, которая смотрит на нас сверху вниз, ее выражение лица – что-то среднее между нежностью и тревогой. Может быть, это гордость. Я продолжаю, возвращаясь к Джун: – Джунбаг... ты помнишь, как я сильно боялся спускаться с горки на санках прошлой зимой?

– Да, – бормочет она.

– А когда я наконец отважился скатиться, все болели за меня. Мне было так радостно. Я чувствовал себя счастливым. И это было так весело... Потом я делал это еще раз сто.

– Я помню.

– Ну, это вроде того. Тебе просто нужно быть смелой в первый раз, а потом уже будет намного легче. И возможно, тебе это так понравится, что тебе захочется это повторить еще раз сто.

Преподавательница танцев вклинивается в разговор, улыбаясь:

– Нам пора идти, Джун. Там тебя ждут раскраски и детские кружки вместе с остальными ребятами. Как тебе такое?

Джун смотрит на меня своими большими заплаканными глазами, как будто ждет моего одобрения. Моего заверения. Она пролепетала:

– Я буду хвабвой, как ты.

У меня замирает сердце. Я воодушевленно киваю. Гордо.

– Тепевь я танцую. – Джун снова крепко обнимает меня и целует в щеку, прежде чем отстраниться.

Поднявшись на ноги, я наблюдаю, как она берет за руку свою преподавательницу и, при-танцовывая, уносится прочь с высоко поднятой головой. Я машу рукой ей вслед.

– Я горжусь тобой, Джунбаг.

Джун еще раз кричит через плечо:

– Буду хвабвой!

Затем она заворачивает за угол, и ее радужное платье-леденец исчезает из виду.

Крепкая рука сжимает мне плечо, я поднимаю голову и вижу мистера Бейли. Он смотрит на меня с нежностью своими карими глазами. Они напоминают мне горячее какао.

– Ты *замечательный* молодой человек, Брант.

Замечательный.

Опять это слово. Я не чувствую себя замечательным: все, что я чувствовал, – это грусть, потому что Джун было грустно, и я хотел это исправить. Я хотел, чтобы она была счастлива.

Я все еще перевариваю его слова, как вдруг боковым зрением ловлю вспышку лазурного и изумрудного. Я поворачиваю голову влево, в это же мгновение Тео резким движением оказывается позади меня, прячась от двух «павлинов», машущих нам из другого конца зала.

Это Моника Портер и Венди Нипперсинк. Они покрашены, наряжены в свои костюмы для выступления – выглядят симпатично.

Симпатично?

Я только что назвал Венди Нипперсинк симпатичной. Жуть.

Позади меня бормочет Тео:

– Они ушли?

– Нет.

– Убираемся отсюда, Брант. Это унижительно.

– Почему? – Я неловко машу в ответ своим одноклассникам, затем засовываю руки в карманы.

– Потому что на мне этот отвратительный, связанный бабушкой жилет, конечно же, – говорит Тео.

– Ну и что? Все не так уж плохо.

– Он весь в маленьких овечках, играющих на губных гармошках.

Я пожимаю плечами:

– Думаю, было бы круче, если бы они играли на барабанах.

– Привет, Брант. Привет, Тео.

Девочки подходят напрямиком к нам, и я толкаю Тео локтем, пока он не становится рядом со мной, взъерошив волосы и пытаюсь прикрыть свой жилет руками. Я балансирую на носочках и киваю им.

– Привет. Вы, девчонки, танцуете сегодня?

Конечно, они сегодня танцуют. Иначе зачем бы им одеваться в костюмы павлинов?

Я вспыхиваю от смущения, но не так сильно, как Тео. Его бледная кожа покрывается красными пятнами, будто у него сыпь.

– Ага, мы танцуем, – отвечает Моника. Ее глаза загораются, когда она смотрит на Тео. – Мне нравится твой жилет.

Мне кажется, Тео сейчас упадет в обморок. Он стоит с выпученными глазами, слова застревают в горле.

– Эм, я... ага, он не мой. Это Бранта.

Я уставился на него.

– Он любит овец. И губные гармошки. А я просто надел его по ошибке, думая, что это другой жилет. Жилет, который намного, намного круче. – Он прокашливается в кулак. – Потому что я крутой.

Я просто смотрю на него в недоумении. Мы все.

– О, ладно, ну это... прикольно. – Моника заставляет себя улыбнуться.

К счастью, вмешивается миссис Бейли. Она здоровается с девочками и говорит, что нам пора занимать места в зале. Я благодарен ей за это. И я очень зол на Тео за его вранье.

– Пока, Брант, – говорит Венди, пока мистер и миссис Бейли собирают свои вещи, а Тео бросается вперед, как цыпленок. – Я помашу тебе рукой со сцены.

Я пребываю в шоке, когда она приподнимается на цыпочки и осторожно целует меня в щеку. У меня вспыхивает лицо, и я бормочу:

– Х-хорошо. Увидимся там.

Венди хлопает своими длинными ресницами в моем направлении. Ее красновато-каштановые волосы высоко собраны, ни одна прядь не выбивается. Должно быть, это все тот же волшебный лак для волос. Затем она берет Моника за руку, и они уносятся к остальным членам своей группы, оставив меня в полном недоумении. Через мгновение я решаюсь догнать Бейли – и во время бега едва не спотыкаюсь.

Когда мы уже сидим на своих местах, я бросаю недовольный взгляд на Тео. Он сидит, сгорбившись и подтянув под себя колени.

– Зачем ты соврал, Тео? Ты выставил меня идиотом.

– Не знаю. Извини, Брант.

– Тебе не нужно было врать, ты же знаешь. Если бы ты меня попросил, я бы сказал, что это мой жилет.

Он поднимает голову, во взгляде читается удивление.

– Правда?

– Да, правда.

Между нами повисла тишина. Я перебираю пуговицы рубашки в ожидании дальнейших слов Тео.

Наконец он вздыхает и выпрямляется.

– Может, это тебе стоит быть Марио. Ты намного смелее меня, – говорит мне Тео, бросая взгляд в мою сторону. – Я могу быть Луиджи.

– Нет, – качаю я головой. – Ты спасаешь. А я твой напарник.

– Но...

– Марио не перестает быть Марио из-за того, что ему стало страшно. Он продолжает бороться. Он продолжает идти вперед, пока не побеждает все страшные вещи, – говорю я, и мой голос смолкает в тихой аудитории. – Подумай над этим. У него есть очень много шансов, которые в итоге помогают ему сделать все правильно.

Тео прикусывает губу, кивает, глядя вперед. Он молчит какое-то время, прежде чем шепчет:

– Да. Ты прав.

Меня охватывает чувство счастья.

Гордости.

И в этот момент свет гаснет и открывается занавес. Ведущий приветствует нас, и представление начинается. Все танцоры выходят на сцену, первые среди которых – младшая группа. *Джун.*

Они лишь силуэты в полумраке сцены, но когда загорается неоновый и пастельный свет, я вижу Джун: она стоит с пятью другими балеринами, держа одну руку на бедре, а в другой – яркий аксессуар в виде леденца.

Я вскакиваю со своего места. Не могу удержаться.

Я улюлюкаю и кричу так громко, что вся толпа родителей начинает смеяться. Тео тоже смеется. Миссис Бейли закрывает лицо рукой, а мистер Бейли усаживает меня обратно. Но я, как сумасшедший, продолжаю махать маленьким артистам.

Джун замечает меня. Она сияет.

Лишь в этот момент, в самом начале, она выходит из образа: машет мне в ответ и случайно роняет свой леденец. Но как только звучит музыка, она танцует, как в сказке, словно была рождена, чтобы танцевать.

Она безупречна.

Она волшебна.

Мое сердце трепещет от радости, когда я смотрю, как Джун, уверенная, гордая и сильная, порхает и кружится по сцене. Она кланяется, и толпа аплодирует.

Она храбрая.

* * *

С тех пор Джун никогда не переставала танцевать.

Она так это полюбила, что повторила еще сто раз, а потом еще сто. Она сказала мне однажды, что тот день, возможно, был ее самым первым воспоминанием. Только сам концерт она даже не помнит.

Она помнит меня.

У нее осталось яркое воспоминание о том, как я, словно сумасшедший, поднялся среди моря людей и выкрикивал ее имя, чтобы подбодрить. Еще она запомнила мои слова, которые я произнес, когда ей стало страшно. Что нужно быть храброй. Она сказала, что хранила их всю жизнь, обращаясь к ним всякий раз, когда ей было тяжело.

Хотел бы я сказать, что поступаю так же... но страх – жуткий, непредсказуемый зверь, и чем сильнее он, тем больше сил нам требуется, чтобы противостоять ему.

У меня было много страхов за все эти годы, но лишь один действительно поглотил меня, разорвал меня на кусочки и чуть было не убил.

Страх потерять Джун.

Два года спустя я встретился лицом к лицу с этим страхом.

Глава шестая «Первое падение»

Джун, 6 лет

Листья шуршат под ногами, пока я топаю по двору вслед за Брантом и Тео в своих резиновых сапожках.

Я невольно вздрагиваю, когда вдалеке раздается раскат грома. Сегодня Хеллоуин, а в ночь на Хеллоуин все кажется особенно жутким. «Пляшущие» ветви деревьев, рев ветра и даже гром. *Особенно гром.*

Прошла долгая ночь игры в «конфеты или жизнь». Ее мы провели в другом районе, потому что на нашей тихой улочке жило не так много соседей.

Мы все еще одеты в наши костюмы: Тео в Марио, Брант в Луиджи, а я в Принцессу Пич. Мама сделала много фотографий, и все говорили, что у нас самые лучшие костюмы, которые они когда-либо видели. Я собрала так много конфет, что папе пришлось забрать часть, дабы ведерко не треснуло. Он взял все батончики Snickers, так как они были самыми тяжелыми.

Брант оборачивается, чтобы взглянуть на меня, в руке у него фонарик. Он направляет его на себя, и, когда тени и желтый свет озаряют его лицо, он начинает двигать бровями.

– А где Агги? Разве ты не хочешь, чтобы он охранял тебя от историй с привидениями?

Я вздрагиваю от порыва промозглого ветра.

– Он все еще раздает конфеты вместе с мамой. Вы с Тео будете охранять меня, – говорю я, перебирая своими маленькими ножками так, чтобы не отстать.

– Он тоже надел костюм?

– Нет. Он и так слон.

На лице Бранта сияет улыбка, словно светлячок в темноте. Я неотрывно смотрю на него, и колющий страх отступает. У него красивое и смелое лицо, а глаза как небо: светло-голубые. Когда он широко улыбается, на обеих щеках появляются впадинки, мама говорит, что они называются ямочками. Я люблю ямочки Бранта. И представляю, что они были созданы специально для меня.

– Уверена, что хочешь пойти, Пич? – Тео широкими шагами идет к домику на дереве, одной рукой поправляя шляпу Марио, а другой держа большую миску попкорна. Я едва вижу его в темноте.

– Мы будем рассказывать очень страшные истории.

По спине снова пробегает холодок.

– Насколько страшные?

– Тебе, наверное, всю жизнь потом будут сниться кошмары.

Вурдалаки, гоблины и злые ведьмы злобно хохочут в моем воображении, заставляя меня ускорить шаг, пока я не оказываюсь рядом с Брантом.

– Ты защитишь меня, Брант?

Он выключает фонарик и убирает его в карман.

– Ты знаешь, что да. Я всегда буду защищать тебя.

– А если я умру и ты не сможешь меня спасти? – Я тянусь к его руке и крепко сжимаю, чуть не споткнувшись в траве. – А что, если *ты* умрешь?

– Тише, эй... – Он внезапно останавливается, повернувшись ко мне лицом, а затем опускает руки мне на плечи. Он выше меня – намного выше. Он высокий и сильный, и с ним я чувствую себя в безопасности. – Почему ты спрашиваешь об этом, Джунбаг?

– Потому что сегодня Хеллоуин, а на Хеллоуин случаются страшные вещи.

– Да, но *не такие* страшные вещи. Ты должна думать о призраках и светильнике Джека¹³, а не... – Он резко замолкает, его глаза словно затуманиваются, когда полная луна отражается в них. Брант смотрит куда-то сквозь меня, тени клубятся в его отрешенном взгляде. И прежде, чем я успеваю спросить о том, куда он пропал, Брант возвращается ко мне. – Не думай об этих вещах. Обещай мне, Джун.

Он, наверное, злится. Он назвал меня Джун вместо Джунбаг – как мама, когда ругается, обращается ко мне полным именем: *Джун Аделин Бейли*. Я сглатываю ком в горле и киваю.

– Я обещаю. Клянусь.

– Хорошо.

Тео окликает нас со ступенек домика на дереве, держа миску попкорна в одной руке.

– Эй, давайте быстрее, черепахи. Нам еще предстоит вызывать чернокнижников и воскрешать зомби! Ва-ха-ха-ха.

Я хихикаю, чтобы скрыть страх. Брант усаживает меня к себе на спину и несет так остаток пути до домика на дереве. Когда мы поднимаемся по лестнице, он взбирается исключительно позади меня, чтобы я не поскользнулась. Папа наконец-то разрешил мне самой забираться в домик на дереве в прошлом году, но только если со мной будут Брант или Тео. Мелкий морозящий дождик липнет к моим волосам, пока я лезу наверх. Я говорю мальчикам, что дрожу потому, что мне холодно, хотя это неправда. Я боюсь историй о призраках.

Брант снимает с себя куртку, когда мы оказываемся внутри, и накидывает ее мне на плечи.

– Это должно тебя согреть. Твоя мама сказала, что принесет нам горячее какао.

Я ползу по одеялам, которыми устлан пол, а затем устраиваюсь на коленках у Бранта и поплотнее запахиваю куртку. Тео сидит напротив нас, закидывая попкорн в рот. Фонарики, расставленные по всем углам, освещают домик. Тем временем капли дождя барабанят по крыше.

Мы разговариваем об этой ночи при свете фонарей и фонарика Бранта, смеемся над дурацким костюмом лошади мистера Сэндмена, сравниваем, кто больше конфет собрал, и дразним Тео, вспоминая, как Моника Портер отстегнула его подтяжки и с него свалились штаны прямо на глазах у всех соседей.

Я отлично провожу время. Мы даже не рассказываем страшные истории, а это еще лучше.

И тут снизу доносится голос мамы, у нее в руках чашки с горячим какао. Но не это вызвало во мне неприятное тошнотворное чувство.

Это Моника Портер и Венди Нипперсинк, стоящие рядом с ней. Они все еще одеты в свои костюмы. Моника – русалка, а Венди – дьявол.

Она и впрямь дьявол.

– Дети, тут ваши подруги пришли, – говорит мама, поднимаясь до половины лестницы, а затем ставя какао на пол. – Я отправлю их к вам?

У нее хитрое выражение лица, когда она смотрит на Бранта и Тео.

Она даже подмигивает.

– Да, хорошо, – отвечает Брант. Он ерзает на месте, затем снимает шляпу Луиджи, приглаживает волосы и снова ее надевает.

Я сижу у него на коленках и не собираюсь никуда сползть.

– Привет. – Первой появляется голова Венди, потом она и вся залезает внутрь. – Чем вы, ребята, тут занимаетесь?

– Ничем. Вот собираемся рассказывать истории о привидениях. – Брант светит фонариком под свой подбородок, и Венди хихикает.

¹³ Светильник Джека (*англ.* Jack-o'-lantern) – один из основных атрибутов праздника Хеллоуин, представляет собой вырезанную в виде головы тыкву со свечой внутри. Название пошло от легенды о хитреце Джеке, который обманул самого дьявола.

Следом появляется Моника и тут же пристраивается рядом с Тео. Ее плавник русалки мерцает бирюзой в свете фонаря.

– Посмотри на себя, – говорит мне Венди, подходя к нам. – Ты выглядишь прелестно, Джун.

Я провожу пальцами по короне принцессы, все еще прикрепленной шпильками к моим волосам, а затем бросаю сердитый взгляд и плотнее прижимаюсь спиной к груди Бранта.

– Я принцесса Пич. Брант и Тео защищают меня от плохих вещей.

– Таких, как жуткие привидения и монстры? – Она выставила скрюченные пальцы в мою сторону, издавая устрашающий звук.

– Нет, это глупо. Монстров не существует.

Моника вступает в разговор:

– Ты имеешь в виду *действительно* плохие вещи? Например, то, что случилось с Брантом?

Все молчат. Я чувствую, как Брант напрягся всем телом, поэтому поворачиваюсь, чтобы взглянуть на него. У него лицо такое же бледное, как у призраков, о которых мы только что говорили.

– Что это значит, Брант?

Я не совсем понимаю, о чем говорит Моника, но атмосфера резко меняется. Что-то меняется в *Бранте*. Он не улыбается и не смеется – он просто молчит, обхватив меня рукой вокруг талии, как будто пытается защитить меня от всего плохого, о чем говорит Моника.

Тео бросает в Монику попкорн:

– Мы не говорим об этом.

– Почему нет? – смеется она, похлопывая его по плечу. – Ты сказал, что вы делитесь страшными историями. Может, Брант расскажет нам о том, что случилось с его родителями?

– Ты расскажешь нам, Брант? – вторит Венди. Она придвигается ближе к нам, в ее глазах разгорается дьявольское любопытство.

Брант сжимает меня слишком сильно. Я не думаю, что он это делает специально, поэтому дергаю его за руку, переплетаю свои маленькие пальцы с его, пока он не расслабляется и тяжело не выдыхает мне в волосы.

– Не при Джун, – наконец отвечает Брант, его голос не такой, как обычно, в нем проступает дрожь. – Может быть, когда-нибудь расскажу.

– Она всего лишь маленький ребенок, – настаивает Моника. – Она даже не...

– Не при Джун.

Меня охватывает смятение и тревога. Я не понимаю, о чем они говорят, но Брант звучит сердито, а я почти никогда не слышала, чтобы он говорил сердито. Когда я снова поворачиваюсь к нему, он весь бледнеет. Он выглядит испуганным.

И от этого *мне* становится страшно.

Я спрыгиваю с его скрещенных ног и сажусь на колени перед ним, пока мы не оказываемся лицом друг к другу. Его землистые глаза кажутся темнее, чем обычно, но, возможно, это потому, что сейчас ночь.

Моника хватает лежащий фонарик и начинает говорить в него, как в микрофон, игнорируя слова Бранта.

– Мой старший брат рассказал мне историю о доме с привидениями семьи Эллиотт, – начинает она, низким и пугающим голосом. – Однажды, давным-давно, темной мрачной ночью маленький Брант был разбужен ужасным... Выстрелы. Смерть. Кровь. Так много крови...

Я вздрагиваю. Мои глаза вспыхивают, внутри все сжимается от ужаса.

– Моника! Ты ведешь себя как стерва, – вскрикивает Венди.

Тео также раздраженно ей бросает:

– Хватит, Моника. Не круто.

Но их слова растворяются в гуле, потому что все, на чем я могу сосредоточиться, – это Брант, и все, что я слышу, – это стук моего сердца. В его глазах застыл ужас, мне кажется, что его сейчас стошнит. Даже его руки начинают дрожать, наши взгляды прикованы друг к другу, у меня внутри все сворачивается, как сухие листья на улице.

– Что это... – начинаю говорить я, но меня прерывают.

– Джунбаг, – шепчет Брант, и это единственное, что я слышу. Моника трещит, изрыгая какую-то бессмыслицу позади меня, но его слова пробиваются сквозь завесу тумана. – Закрой уши.

Он почти задыхается от этих слов.

Голос срывается.

А я слишком маленькая, чтобы понять, что это значит, но я думаю...

Думаю, это больно.

Думаю, Бранту больно.

Застываю на клетчатых одеялах, не зная, что делать, как вдруг Брант бросается ко мне и закрывает мне уши обеими руками. Между бровями появляется глубокая морщина. Кожа блестит от пота. Его грудь резко вздымается и опускается от учащенного дыхания.

Я поднимаю ладони, накрывая его руки, и закрываю глаза.

Я ничего не слышу.

Чувствую себя в безопасности.

Чувствую себя защищенной и любимой, когда Брант закрывает мне уши, ограждая меня от ужасной истории. Я не знаю, о чем говорила Моника Портер, но это было настолько страшно, что испугало Бранта, так что это должно быть *действительно жутко*: Брант – один из самых храбрых людей, которых я знаю.

Я в безопасности. Я в безопасности.

И точно так же резко возвращается шум. Брант убирает руки и поднимается, уносясь прочь. Моника хихикает ему вслед из домика, а я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, как он пропадает из виду, спускаясь по лестнице.

– Брант, да ладно, – зовет его Моника. – Мы просто немного повеселились. Не нужно так странно на это реагировать.

Венди подползает к выходу и бросает взгляд на свою подругу.

– Ты, стерва... это было просто мерзко. Что с тобой такое?

– Неважно.

Обе девочки вылезают из домика, а Тео бросается за ними следом:

– Эй, подождите меня...

Они все уходят.

Они все оставляют меня здесь одну.

Теперь капли дождя – мои единственные друзья. Я бросаю взгляд на тени и свет фонарей. Ветер завывает, ветви деревьев царапают крышу. В моей голове проносятся страшные вещи, такие как бугимен¹⁴ и черные летучие мыши. Мурашки бегают по спине, а глаза наполняются слезами.

Мне страшно. Я совсем одна.

Я хочу к Тео.

Я хочу к Бранту.

Опускаясь на коленки, я проползаю к двери и выглядываю вниз. Так высоко – я никогда не спускалась вниз сама, без помощи.

¹⁴ Бугимен (*англ.* boogeyman) – персонаж устрашения в сказках и притчах.

Может, мне стоит позвать кого-нибудь? Может быть, мне стоит подождать, пока кто-нибудь меня спустит? Папа говорит, что я никогда не должна пользоваться лестницей без взрослых.

Я впираюсь в одеяло, сердце бешено колотится в груди.

Думаю, я подожду здесь. Они вернуться.

Они должны вернуться.

Но тут снова завывает ветер, шипит, как змея, и я впадаю в панику. Меня охватывает животный страх; все, что я хочу сделать, – это забежать в дом, зарыться в свое покрывало с *Винни Пухом* и прижать к себе Агги. Развернувшись, я скольжу на животе вниз, пока мои ноги не упрутся в перекладину.

Я пытаюсь спуститься по лестнице.

Но происходит ужасная вещь.

Я оступаюсь.

Пропускаю первую ступеньку.

И потом я падаю, мой крик – единственное, что разносится громче ветра.

Глава седьмая «Первым бросить камень»

Брант, 12 лет

– Закрой уши.

Последние слова моего отца эхом отдаются в сознании, и я прислоняюсь спиной к кирпичной обшивке, прижимая ладони к ушам, как будто я все еще пытаюсь оградиться от них.

Бум!

Выстрел.

Кровь, страх, звенящая тишина.

Отвратительный фиолетовый галстук, обмотанный вокруг горла мамы.

А потом...

Крик.

Сначала я думаю, что это *мой* крик. Мой разум играет со мной злые шутки, воспроизводя ту ужасную ночь. Образы, лежащие на поверхности, пытаются утянуть меня на дно. Я вспоминаю техники, которым доктор Шелби обучала меня эти годы, чтобы держать сводящие с ума мысли под контролем, и я пытаюсь направить свое «сильное “я”» на «травмированное “я”». Я зажмуриваю глаза.

Будь храбрым, Брант. Будь сильным.

Но потом кровь стынет в жилах.

Нет, это не мое воображение. Это что-то другое. Это...

Крик Джун?..

Ужас охватывает меня, когда реальность разбивает мои ужасные, жалкие мысли. Я только отбежал в сторону дома, чтобы перевести дыхание, глотнуть воздуха, чтобы убраться от Моники Портер и ее отвратительных слов, и мне нужно было всего пару минут. Я уже возвращался обратно.

Я собирался вернуться обратно.

Я бросаюсь вперед и заворачиваю за угол, а затем несусь по двору на пределе своих сил. Мистер и миссис Бейли уже выбежали из дома, а Тео и девочки бегут с другой стороны, загораживая мне обзор.

– Боже мой, Джун! – ревет мистер Бейли в отчаянии.

Нет, нет, нет.

Сердце сжалось от ужаса, легкие словно горят от страха.

– Джунбаг! – Ничего не видя, я проталкиваюсь сквозь Венди и Монику, а затем пронесусь мимо Тео, пока не оказываюсь над скрюченным телом Джун, лежащим в мокрых листьях. *Нет!* Я начинаю рыдать, падая на колени рядом с ней. – Джун... Джунбаг, очнись!

– Не трогай ее, Брант, – командует мистер Бейли, затем поворачивается к миссис Бейли и произносит так, словно ему не хватает воздуха: – Саманта, вызывай «Скорую».

Она с трудом дышит и бросается обратно в дом.

Слезы катятся по моему лицу быстрее дождя, что льет на нас как из ведра. Я раскачиваюсь назад-вперед в траве рядом с Джун, наблюдая, как мистер Бейли прижимает два пальца к ее шее.

Дышит ли она? Она мертва, как мои родители?

Этого не может быть. Я не переживу этого.

– Она дышит, – говорит он, выдыхая с облегчением. Он пробегает по всем нам взглядом. Его темные мокрые волосы прилипли ко лбу. Щеки ярко-красные, глаза широко распахнуты, в них читается горе и тревога. – Вы все, не приближайтесь.

Я так хочу дотронуться до нее. Я хочу прижать ее к груди и прошептать ей на ухо, что мне жаль... мне жаль, что я не справился. Я не смог защитить ее, как обещал.

Как я мог быть таким беспечным?

Шмыгая носом, я вглядываюсь в ее милое личико, усеянное легкой россыпью веснушек. Треснутая корона принцессы лежит рядом с ней в мокрой траве, а волосы укрыты золотисто-коричневой листвой. Глаза закрыты, она лежит, не шелохнувшись. Неподвижно.

Совсем как мама и папа.

Ярость, которую я никогда раньше не испытывал, охватывает меня, и я вскакиваю на ноги, поворачиваясь лицом к Тео. Он подавлен и молчалив. Его глаза широко раскрыты, руки сцеплены за шеей. Все, что он делает, – это качает головой. Мистер Бейли замер, склонившись над Джун. Когда вдалеке завывли сирены, я тут же срываюсь.

Я даю волю своему гневу.

Затуманенный взгляд Тео фокусируется на мне, а Венди с Моникой отступают назад, когда ловят выражение моего лица. Наверное, я выгляжу диким и безумным.

Издавая яростный крик, я набрасываюсь на Тео, толкая его так сильно, что он отлетает назад и падает, шлепнувшись задницей о землю.

– Где ты был? Как ты мог оставить ее там одну?

– Я... я не... я не...

– Если она умрет, то ты будешь в этом виноват! Я никогда тебя не прощу. – Мои зубы оскалены, и я почти рычу, как животное. Я *чувствую себя* животным.

– Хватит, вы оба! – ревет мистер Бейли, потом снова поворачивается обратно к Джун. – Этот чертов дом на дереве – гиблое место. Я должен был догадаться.

Мы все вздрагиваем, потом замираем.

Тео выпрямляется и прячет лицо в ладони. Он весь дрожит и трясется, сожаление выплескивается из него. И тут на меня накатывает вина. Я чувствую, как гнев перерождается во что-то другое – что-то еще более ужасное.

Может быть, я ошибаюсь. Может быть, это я виноват.

Я никогда не прощу себя.

Сдерживая приступ рыданий, я опускаюсь на траву рядом с Тео и притягиваю его к себе. Я крепко обнимаю его, извиняясь снова и снова.

– Прости меня, Тео. Это моя вина. Я ушел первым, – повторяю я одно и то же; мы оба утопаем в слезах, а чувство вины разрывает нас изнутри. Он обнимает меня в ответ. – Это моя вина.

Красно-синие огни освещают задний двор, и когда я поднимаю голову, мистер Бейли уже разговаривает с медиком, а миссис Бейли сидит со своей дочерью, поглаживая ее мягкие рыжеватые волосы. Моника и Венди переместились на патио¹⁵. Они прижались друг к другу под зонтом, пытаясь спастись от гнетущего холода, просочившегося на задний двор семьи Бейли.

Венди ловит мой взгляд и беззвучно шевелит губами, смотря на меня глазами, полными скорби:

– Мне жаль. Прости.

Я отворачиваюсь.

Я сижу на траве рядом с Тео со своим разбитым сердцем и нарушенным обещанием в ожидании хороших новостей. Спустя мгновение Джун переключаются на носилки и уносят.

Все, что я могу делать, – это ждать.

¹⁵ Патио – выложенная плиткой площадка, где можно загорать, обедать в хорошую погоду или просто сидеть и любоваться садом, своего рода аналог внутреннего дворика.

* * *

Тео тихо расположился рядом со мной на больничном стуле. Мы оба сидим, ссутулившись, в промокших костюмах Марио и Луиджи, ожидая, пока врачи дадут нам разрешение навестить Джун.

Что бы ни было такое сотрясением мозга, у Джун именно это. И еще сломанная рука.

Ей, наверное, очень страшно.

Между мной и моим лучшим другом повисла тишина. Вина пожирает нас обоих. Я чувствую себя виноватым за то, что оставил Джун в домике на дереве, и виню себя за то, что обвинял в этом Тео. Никто из нас не должен был покидать тот домик на дереве – все мы виноваты. И я знаю, что у нас обоих будут большие проблемы, когда мы вернемся домой. Я вижу это в глазах мистера Бейли. Он не сказал нам ни слова с тех пор, как мы приехали в больницу, а чем тише он, когда разозлится, тем сильнее будет наказание. Глаза у него покраснели и опухли, а левая бровь все время дергается, когда он постукивает ногами в такт. Миссис Бейли сидит рядом с ним, опустив голову на его плечо, а сама смотрит в пол.

– Ты ненавидишь меня, Брант?

Тео наконец нарушает гнетущую тишину, и я переключаю внимание на него. Прикусив нижнюю губу, я качаю головой:

– Нет. Я не ненавижу тебя.

– Но ты ненавидел, – говорит он. – Я видел это в твоих глазах, когда ты толкнул меня.

Я съеживаюсь на стуле, как будто могу спрятаться от того, что сделал. Гнев, ярость. Это было ужасное чувство, почти как яд, текущий по моим венам, и я задаюсь вопросом, не то же ли чувство испытывал мой отец, когда убил мою маму.

От этой мысли у меня перехватывает дыхание. Желудок скручивается.

Что, если я стану таким же, как он?

Нет!

Я больше никогда не буду так выходить из себя. Я никогда не буду отвечать жестокостью.

Я даю себе молчаливую клятву, пытаюсь сдержать слезы.

– Я ненавидел себя, а выместил это на тебе. Этого больше никогда не повторится, Тео.

Он судорожно сглатывает, глядя прямо перед собой.

– Ты был прав, ты знаешь. Это *была* моя вина. Я был последним, кто выходил из домика на дереве, и я даже не подумал о Джун. – Эмоции охватывают его, и он шмыгает носом, прижимая ладонь к газам. – Я думал о Монике Портер. Эта безмозглая девчонка была жестока с тобой, а я ничего не сделал, чтобы остановить это. Я подвел тебя, и я подвел Джун.

Я не знаю, что сказать, поэтому молчу.

– Я стану лучше, Брант. Обещаю. Лучшим братом, лучшим другом. – Он смотрит на меня, его каре-зеленые глаза сверкают решимостью в искусственном свете. – Я больше никогда не подведу вас, ребята.

На моем лице появляется улыбка, и я киваю. Затем протягиваю ему руку.

– Хорошо, Марио.

Тео выдыхает с облегчением и пожимает мне руку. Другой рукой он придерживает свою красную шляпу:

– Спасибо, Луиджи.

Напряжение рассеивается из окружающего пространства, и в этот момент врач подходит к Бейли, которые сидят напротив нас на жестких, уродливых стульях. Он произносит пять слов, которые заставляют мое сердце радостно забиться.

– С ней все будет хорошо.

С ней все будет хорошо.

Это самые прекрасные слова, которые я когда-либо слышал.

Я люблю их так сильно, что прячу их в свое бешено стучащее сердце, зная, что они останутся там навечно.

Кажется, что прошла целая вечность, прежде чем я смог навестить Джун. Когда нас наконец вызывают в ее палату, я хватаю Агги с пустого стола рядом со мной и иду вниз по коридору.

– Брант!

Когда я вхожу в палату, мои глаза расширяются. Она подключена к шнурам и мониторам, и от этого вида у меня щемит в груди. Джун еще слишком мала, а уже выглядит такой сломленной. Громоздкий белый гипс украшает ее правую руку, но это не в силах отнять ее лучезарную улыбку. Я тут же улыбаюсь ей в ответ:

– Джунбаг.

Я подбегаю к кровати, ее голубые глазки блестят от слез. Она даже не замечает своих родителей, следующих за Тео. Кроме меня, она никого не замечает.

– Я не хотела упасть. Извини меня.

– Не извиняйся, Джун. Это был несчастный случай. – Я вытаскиваю Агги из-за спины, наблюдая, как ее глаза увлажняются еще больше. Когда я узнал, что у Джун будет гипс, я побежал в ванную и обернул маленькую ручку слоненка туалетной бумагой для сходства. – Агги захотел гипс, как у тебя.

– О, вау! – восклицает она, потянувшись к любимой игрушке здоровой рукой. – Спасибо!

Бейли подбегают к ней, осыпая ее нежными объятиями и поцелуями. Тео тихо плачет в подушку, улегшись рядом с ней, и извиняется за то, что оставил ее совсем одну. Так много слез, так много шепотом произнесенных слов, столько мыслей, полных благодарности. Я наблюдаю за всем из угла комнаты, благодарный за то, что стал частью этой семьи.

Где бы я был, если бы не они?

Когда эмоции отступают, Джун снова тянется ко мне. Я сворачиваюсь калачиком рядом с ней на маленькой койке, вдыхая аромат сирени на ее волосах.

– Спасибо, что привез мне Агги, – бормочет она, прижимаясь ко мне. – Мне было страшно без него.

Я грустно улыбаюсь:

– Я знаю, что тебе было страшно, Джунбаг. У меня был игрушечный слоник, когда я был в твоём возрасте, и он всегда успокаивал меня, когда мне становилось страшно.

– Правда?

– Да, правда.

Она обдумывает услышанное и моргает, глядя в потолок.

– Что с ним случилось?

Я знал, что прозвучит этот вопрос, но сейчас не время открывать ей страшную правду. Не время рассказывать ей о судьбе Бабблза и о том, что он был запятнан кровью моего отца, убившего мать, и в результате выброшен, как мусор.

Может быть, этой истории никогда не будет время.

– Однажды я его потерял, – вместо этого говорю я, мой голос слегка дрожит.

– Ты потерял его навсегда? Не просто на какое-то время?

Я сглатываю ком в горле.

– Я потерял его навсегда.

Закрыв глаза, я стараюсь не думать о своем старом плюшевом «утешении» из детства. Вместо этого я впитываю присутствие Джун: ее теплое дыхание, быстро бьющееся сердце.

– Когда-нибудь я найду его для тебя, Брант, – говорит она, сжимая мне руку. – Я обещаю.

Я понимаю, что это обещание она не в силах выполнить, но все равно улыбаюсь.

– А теперь ты можешь спеть мне песенку про радугу?

Миссис Бейли придвигает свой стул поближе к Джу и проводит ладонью по моей руке.
– Может, мы оба споем ее?

Джун с энтузиазмом кивает:

– Да, пожалуйста. Она моя любимая.

Это и моя любимая, Джунбаг.

Раньше она была моей любимой потому, что напоминала мне о маме.

Теперь она напоминает мне о Джун.

Миссис Бейли переплетает свои пальцы с моими, убирает со лба Джун выбившуюся прядь волос и делает глубокий вдох. Мои веки опускаются.

Мы поем.

* * *

В ту ночь все мы дали обещания.

Я пообещал, что больше никогда не буду отвечать жестокостью, и, ну... я чертовски хорошо хранил это обещание. Я сбился с пути только один раз, много лет спустя, и мне хочется верить, что у меня на то были веские причины. (Уайетт Нипперсинк может со мной не согласиться.)

Но так оно и было.

Страх сорваться, поддаться слепой ярости, как это сделал Лукас Эллиотт, был в высшей степени эффективной мотивацией на протяжении многих лет.

А потом было обещание Тео.

Тео больше никогда не оставлял Джун после инцидента в домике на дереве. Он опекал ее сверх меры, горячо преданный, и, в отличие от меня, не боялся наброситься на любого, кто подвергал Джун опасности.

Даже если этим человеком был его лучший друг.

Даже если этим человеком был я.

И наконец, Эндрю Бейли.

Эндрю дал свое обещание той ночью: он поклялся, что это был последний раз, когда мы ступили в этот богом забытый домик на дереве.

С восходом солнца от него осталась лишь куча дров.

Глава восьмая «Первое рождество»

Брант, 12 лет

Маме всегда больше нравились разноцветные мерцающие огоньки, чем белые.

Я люблюсь красиво украшенной елкой, переливающейся всеми цветами радуги, и это напоминает мне о ней. Моей маме. Она любила Рождество, и она любила радугу.

Джун вбегает в гостиную, кружась в праздничном платье.

Светло-каштановые волосы завиты в мелкие кудряшки. Они подпрыгивают, пока она отрабатывает движения, которые разучивала в балетном классе. В течение последних двух месяцев она провела значительную часть своих занятий в гипсе, участвуя только в менее сложных номерах. Но это, кажется, не остудило ее пыл. Моя маленькая балерина предана своему делу, как никогда. Наконец несколько недель назад ей сняли гипс.

Она даже попросила на Рождество блестящие туфли, и я потратил все свои карманные деньги на идеальную пару. Миссис Бейли предложила купить их, но мне показалось, что это возьмет не совсем тот эффект. Я хотел купить их на свои собственные деньги, поэтому работал больше обычного во дворе с мистером Бейли, убирая листья и собирая дрова из разобранного домика на дереве.

Джун понравятся ее блестящие туфли.

– Как выглядит июньский жук?

Я смотрю на нее, все еще кружащуюся в танце вокруг журнального столика. Огоньки на елке отражаются от блесков на ее изумрудном платье, и я улыбаюсь с грустью.

– Он похож на разноцветную бабочку с блестящими крылышками, как у феи.

– Вау!

Чувствую себя виноватым за обман, но я слишком поздно понял, что назвал ее в честь отвратительного существа с длинными жуткими ножками и панцирем цвета кашки. Возможно, это самое уродливое существо, которое я когда-либо видел.

Джун плюхнулась на диван рядом со мной, прижимается к моему плечу.

– Как ты думаешь, Санта придет? Я хорошо себя вела в этом году? – Она болтает ногами туда-сюда, разглядывая сверкающую елку. – Он может разозлиться из-за домика на дереве.

– Не глупи, Джунбаг. Ты точно хорошо себя вела в этом году. И была очень храброй.

Она вздыхает:

– Я не храбрая.

Прежде чем я успеваю ответить, мистер Бейли входит через парадную дверь, с ног до головы покрытый снегом. Его кожа пошла пятнами от холода, а нос покраснел. Он не выглядит счастливым, когда топает ботинками по дверному коврику с рисунком оленя.

– На улице сильный снег. За последний час выпало уже четыре или пять дюймов.

Миссис Бейли появляется из прихожей, застегивая сережку. У нее сегодня распущенные волосы, завитые, как у Джун.

– Все так плохо, да?

– Ага. Вот знал же, что надо было перейти на полный привод до наступления зимы.

– Просто с деньгами было туго, Эндрю. С возросшей ипотекой после переезда... – Она поглядывает в мою сторону, прочищая горло. – В общем, сам знаешь.

– Ага... – Он проводит рукой в перчатке по лицу, затем снимает покрытую снегом шапку. – Думаю, сегодня небезопасно садиться за руль. Может, нам стоит остаться дома.

У меня перехватило дыхание.

– Но сегодня же канун Рождества, – восклицаю я. – А как же праздничный ужин?

Мы должны были сегодня отмечать праздник все вместе у тети Келли. Я не видел ее с шестого дня рождения Джун. Она завела новую кошку: так она сообщила мне в письме. Это еще совсем маленький котенок, и он гораздо милее, чем та другая кошка.

Тео пронесится по коридору и присоединяется к нам в гостиной, услышав новости.

– Он прав, Брант. Я выглянул в окно, машину уже снова замело снегом, хотя папа только что ее почистил, – говорит Тео. Он стягивает с себя свитер со снеговиком и остается в простой белой футболке; уверен, он просто пытается избавиться от очередного нового свитера, связанного бабушкой. – Это небезопасно.

– Я хочу увидеть котенка, – добавляет Джун, выпячивая нижнюю губу.

– Мы не можем, Пич, – говорит ей Тео. – Что, если мы попадем в аварию и ты снова пострадаешь?

В его тоне сквозит серьезность, и в комнате повисает тишина. В голове пронесится образ Джун, неподвижно лежащей на траве, и я стискиваю зубы. С тех пор, как это произошло, Тео очень сильно опекает Джун – мы оба.

Джун не особенно впечатлилась его опасениями. Она скрещивает руки на груди и хмурится.

– А как же мое красивое платье? А как же мамины сережки и милый свитер Тео, связанный бабушкой?

Тео раздраженно хмыкает.

– Мы должны ехать! – настаивает она, поднимаясь с дивана и подбегая к отцу. Мистер Бейли устало вздыхает, поочередно стягивая перчатки с рук. – Пожалуйста, папочка! Мы все уже нарядились, и тетя Келли собиралась приготовить мою любимую ветчину.

Он качает головой, похлопывая ее по плечу.

– Я знаю, ты так этого ждала, Джун, но безопасность превыше всего. Наша машина не проедет в такую пургу. Может быть, мы просто что-нибудь закажем?

– Нет. Мне не нравится.

Миссис Бейли расстегивает серьги:

– Мы можем заказать пиццу.

– Да! – Тео соглашается.

– Мы не можем есть пиццу в канун Рождества! – Джун топает ножками, демонстрируя раздражение. Она вот-вот расплачется. – Пицца – это когда папа весь день смотрит спорт. В канун Рождества должен быть праздничный стол.

В голове возникает идея, поэтому я прочищаю горло, поворачиваюсь лицом к Бейли.

– Может быть, я могу помочь, – пожимаю плечами, засовывая руки в карманы. – Я могу приготовить рождественский ужин.

Я не эксперт в кулинарии и еще довольно мал, но я смотрю много кулинарных шоу. Я даже иногда помогаю миссис Бейли на кухне, делаю пометки и записываю рецепты в кулинарную записную книжку. На прошлой неделе на завтрак я приготовил голландский соус для яичницы, что очень впечатлило миссис Бейли – она сказала, что она тоже не умеет делать хороший голландский соус.

Я хочу научиться большему.

Я хочу приготовить рождественский ужин, чтобы у Джун был настоящий праздничный стол.

Раздумья по поводу моего намерения повисли в воздухе, несмотря на то что Джун запрыгала от радости, довольная моим предложением. Тео опускается на колени возле рождественской елки, трогает множество разноцветных подарков, сверкающих под гирляндой.

– Мне нравится эта идея. Брант и правда хорошо готовит.

– Ну... хорошо, – соглашается миссис Бейли. Она расслабляется, одаривая меня теплой улыбкой. – Я не уверена, что у нас большой выбор, но думаю, что мы сможем приготовить несколько блюд. Я помогу тебе все организовать, Брант.

Меня охватывает волнение. В последний раз я помогал готовить рождественский ужин за год до смерти моих родителей. Мне было всего пять лет, поэтому я мало что мог сделать, но у меня осталось яркое воспоминание, как я стоял перед плитой на маленьком деревянном табурете, помогая маме помешивать картофельное пюре в кастрюле. Я помню, что в тот вечер она была на взводе, беспокоилась о том, вкусным ли получится пюре. Это было любимое блюдо моего отца. Он любил, чтобы было побольше сливочного масла, не слишком много чеснока и чтобы не пропустили ни кусочка кожуры. Я долго и тщательно чистил картошку, убирал даже самые маленькие кусочки кожуры, и... пока мама не видела, я добавил побольше масла, щепотку перца и соли.

Моему отцу понравилось.

Мама была на седьмом небе от счастья.

Улыбаясь, я с готовностью несусь на кухню, готовый исследовать кладовую и холодильник на предмет продуктов для готовки.

Если есть шанс, что я смогу спасти вечер, я им воспользуюсь.

Я хочу видеть Джун такой же счастливой, какой была моя мама в то последнее Рождество.

* * *

Домашняя лазанья, картофельный салат, клюквенный соус, пивной хлеб, макароны с сыром и сдобные булочки с корицей – такой ужин я приготовил из тех ингредиентов, что оказались под рукой. Я знаю, что он не идеален, но это был настоящий праздник, и Бейли были поражены моими творениями. Миссис Бейли помогала мне вынимать блюда из духовки и в некоторых других моментах, но в целом еда была полностью приготовлена мной.

Джун была так счастлива.

Я не знаю, видел ли я ее когда-нибудь такой счастливой.

Она попробовала всего понемногу, широко улыбаясь, а потом сказала мне, что я лучший повар на свете. По правде говоря, видеть ее радость было для меня лучшим подарком на Рождество, о котором я когда-либо мог просить.

Рождество не было испорчено. Я спас праздник.

Теперь мы все сидим вокруг елки в праздничных пижамах с какао и печеньем. У нас полные животы, но еще есть место для вкусностей, которые мы поглощаем быстрее, чем падает снег за окном. Мистер Бейли спускался в подвал несколько раз по неизвестным причинам, но мы наконец-то все вместе наслаждаемся моментом.

Джун лежит у меня на коленях, прижавшись спиной к моей груди, и с восторгом разглядывает елку. Это настоящее волшебство, и сердце словно замирает, когда я вижу, как ее лицо светится от радости.

Миссис Бейли поднимается с откидного кресла, ее волосы теперь собраны в небрежный пучок – из него торчит ручка с праздничной тематикой. Ее тапочки с Рудольфом¹⁶ могут составить достойную конкуренцию тапочкам-утконосам мистера Бейли.

– Брант, у меня есть для тебя первый рождественский подарок... если ты не против.

Конечно, не против!

У меня голова идет кругом. Кивнув, я выпрямляюсь, наблюдая за Джун, искрящейся от радостного предвкушения. Ее волосы щекочут мне подбородок, когда она ерзает, хлопая в ладоши.

¹⁶ Рудольф – олень из упряжки Санта-Клауса.

– Я знаю, что это! – щебечет она, подпрыгивая вверх-вниз. – Можно я отдам, мама?
– Эй, это была моя идея, – возражает Тео.

Миссис Бейли поднимается и ставит на стол свою кружку с какао для взрослых, которое нам нельзя пить. Она подходит к елке, берет маленький подарок из горки, и на мгновение я переношусь в прошлое, в то последнее Рождество в моем старом доме. В сознании мелькает образ мамы в красной фланелевой ночной рубашке и с бигуди в волосах. Она выглядела такой грустной, хотя всегда улыбалась. Она напоминала мне песню о радуге – грустную мелодию, замаскированную веселыми словами.

Она читала мне сказку о танцующих сахарных сливах. Это была волшебная сказка со странными словами, но больше всего мне запомнилось в ту ночь, как мама осторожно гладила меня по спине, а ее голос звучал как колыбельная. В тот момент все казалось таким идеальным. Папа заперся в спальне, поэтому не было ни жутких ссор, ни слез. Были только мы с мамой, окутанные рождественским волшебством и читающие сказки у камина под мерцание разноцветных елочных огоньков.

От этого воспоминания становится так тепло на душе.

Но оно же и отравляет меня сожалением.

Оно же и отравляет меня яростью, потому что так не должно было быть.

Она должна сейчас находиться здесь, пить какао для взрослых с Бейли и петь нам на сон грядущий нашу любимую песню.

Меня отбрасывает в настоящее, когда Тео выхватывает подарок из рук миссис Бейли и бросается ко мне. Он так радостно улыбается, что невольно горечь отступает. Да, я ненавижу то, что мамы больше нет, но я не могу быть зол на то, что у меня есть сейчас. Я никогда бы не пожалел, что нахожусь в этой семье, в этом доме... Я никогда бы не пожалел о Рождестве, проведенном со своим лучшим другом и маленькой Джунбаг.

– Это была моя идея, но Джун упаковала его, – поясняет Тео, усаживаясь рядом со мной на ковер. – Давай, открывай.

Джун сползает с моих колен и садится передо мной, горя желанием увидеть подарок, хотя она уже знает, что находится внутри.

Мистер и миссис Бейли, обнявшись, устраиваются на диване рядом с нами, и я могу поклясться, что в глазах миссис Бейли стоят слезы. Огоньки бликами отражаются в них.

Что это может быть?

Сглотнув, я разворачиваю оберточную бумагу с принтом карамельного посоха. Это маленький подарок, размером с мой кулак, но тем не менее сердце бешено стучит.

А когда я разворачиваю упаковку, сердце почти вырывается из грудной клетки.

Я отбрасываю бумагу, смотрю на сокровище в своей руке, и в груди становится тесно. В горле стоит ком. Пальцы дрожат.

Джун быстро указывает на находку, говорит бодрым высоким голосом:

– Смотри, Брант, это твоя мама! Она такая красивая. А это ты, когда был маленьким, как я сейчас.

– Тебе нравится, Брант? – спрашивает Тео, взгляд полон любопытства.

Я оглядываю комнату широко раскрытыми глазами, потом перевожу взгляд обратно на подарок. Это украшение. Это украшение в форме пряничного домика, с фотографией внутри.

Моей мамы со мной.

Я никогда прежде не видел эту фотографию. Она присела рядом со мной, сжимая мои руки. Я смотрю в камеру, неестественно широко улыбаясь, а она смотрит на меня. У нее такая счастливая улыбка, полная гордости. Такая живая.

Она смотрит на меня так, словно никогда не отпустит.

У меня что-то размазано по лицу, возможно, шоколад, и мой давно потерянный друг повис у меня в руках.

Бабблз.

Джун с гордостью объявляет:

– Я не смогла найти твоего друга-слоника, но мама нашла эту фотографию на чердаке. Он больше не потерян. Он будет всегда жить с тобой на этой фотографии.

Я молча смотрю на нее, пораженный. Не знаю точно, что ожидал там найти, но явно не это. Я открываю рот, чтобы поблагодарить Бейли за такой трогательный подарок, но ничего не выходит. Слова застряли в горле, словно тягучая карамель.

Поэтому я просто обвожу глазами комнату. Втягиваю воздух.

А потом...

Я плачу.

Не могу сдержаться.

Меня переполняют эмоции, я сжимаю украшение и закрываю лицо ладонями от встревоженных наблюдателей. Я плачу так сильно, что даже не знаю, откуда берутся слезы. Я давно не плакал так, как сейчас.

Меня нежно обнимают за плечи, а затем раздается голос. Успокаивающий голос. Голос, который напоминает мне о маме, отчего я плачу еще сильнее.

– О, Брант... Прости, милый. Мы не хотели заставлять тебя плакать...

Я знаю, что они не хотели. Они хотели подарить мне что-то очень ценное, а я заставляю их чувствовать себя виноватыми. Всклипывая, я потираю глаза и поднимаю голову, нижняя губа все еще дрожит.

– С-спасибо. Простите, что я расплакался. Я просто... сильно по ней скучаю.

Тео похлопал меня по спине, у него самого заблестели глаза.

– Хочешь повесить его на елку?

Я киваю.

Поднявшись на ноги, я вытираю слезы и подхожу к искусственной елке. Мистер Бейли встает с дивана, и когда я смотрю на него, то понимаю, что он тоже плакал.

– Почему бы вам не повесить ее на самую макушку, – предлагает он, присоединяясь ко мне, и тянется к украшению. – Прямо под сияющей звездой.

– Хорошо, – всклипывая, говорю я.

Он прикрепляет ее, и мы оба отходим назад. Улыбка сменяет мои слезы. Кажется, что она смотрит на меня.

Джун дергает меня за рубашку, и я наклоняюсь к ней. В руках она держит Агги.

– Сегодня ты можешь спать с Агги, – говорит она мне ласковым голосом. – С ним я всегда чувствую себя лучше, когда мне грустно или страшно.

Расчувствовавшись от этих слов, я снова чуть не плачу. Я сдерживаю слезы, заставляя себя улыбнуться.

– Это очень мило с твоей стороны, Джунбаг, но он твой друг. Со мной все будет в порядке.

– Ты уложишь меня спать?

Миссис Бейли одобритительно кивает, а Тео мчится к дивану и запрыгивает на колени к отцу. Они оба смеются, и эта картина трогает мне сердце. Я вздыхаю.

– Конечно. Пойдем.

Мы идем по коридору в ее комнату. Я наблюдаю, как Джун, широко улыбаясь, плюхается в постель и подпрыгивает на матрасе. Она уютно устраивается под одеялом, калачиком.

– Мне так жаль, что тебе грустно, Брант. Что-то плохое случилось с твоей мамой? Это то, о чем говорила Моника Портер в домике на дереве?

Я прикусываю щеку, усаживаясь рядом с ней.

– Да, так и есть. Но мне не хочется сейчас об этом говорить, – тихо отвечаю я. – Мне очень понравился подарок. Он заставил меня плакать в хорошем смысле.

– В хорошем смысле?

– Да. Это было так трогательно, и я почувствовал много любви в тот момент. Иногда большая любовь может быть причиной слез.

Она хмурится:

– Я не плачу от любви.

– Может быть, когда-нибудь будешь.

– Это звучит не очень хорошо. Не думаю, что мне хочется большой любви.

– Это здорово, когда она есть, – говорю я ей. – Минус в том, что чем сильнее любовь, тем больше ее терять.

Она кривит губы, обдумывая мои слова. Не думаю, что она понимает, но я этого и не жду. Джун еще слишком маленькая, невосприимчива к тяжелым последствиям любви. Тех ее аспектов, что причиняют боль. Сейчас она ощущает лишь красоту этого чувства.

– Спокойной ночи, Джунбаг, – шепчу я, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в лоб. – Пусть тебе приснятся июньские жуки, летающие высоко над радугой, над верхушками дымоходов среди лимонных леденцов.

– Дымоходы – это по которым спускается Санта, – хихикает она.

– Именно так.

Я уже собираюсь встать и уйти, как вдруг она снова зовет меня:

– Эй, Брант?

– Да?

– Мне кажется, я больше не хочу себе туфли для чечетки, – говорит она, натягивая одеяло до подбородка. – Я хочу, чтобы Санта принес мне кое-что другое.

Сердце пропускает удар.

– Что ты имеешь в виду? Ты же так мечтала о туфлях для чечетки.

– Я знаю, но это не то, чего я действительно хочу.

О нет. Что же мне делать?

Я тяжело вздыхаю, прикусив губу:

– Ладно. Тогда чего же ты хочешь?

– Я хочу меч.

– Меч?

– Да, меч, чтобы драться. Меч, чтобы я стала такой же храброй, как ты.

– Тебе не нужен меч, чтобы быть храброй, Джун. Храбрость идет отсюда. – Я прижимаю руку к ее груди, прямо над сердцем. – У меня нет меча.

Ее большие голубые глаза блестят в свете ночника.

– Это как раз то, что я хочу, Брант. Как думаешь, Санта подарит мне его?

– Я... – Я лихорадочно прокручиваю в голове все возможные варианты. Уже слишком поздно менять подарок, и я сомневаюсь, что кто-нибудь другой подарит ей меч. Джун будет так разочарована рождественским утром. Тяжело вздохнув, я заставляю себя улыбнуться. – Посмотрим, а пока пора спать. Счастливого Рождества, Джунбаг.

– Счастливого Рождества, Брант.

Она улыбается мне напоследок, затем закрывает глаза и зарывается под одеяло.

Я выхожу из комнаты, сердце сжимается.

Я не знаю, что делать. Джун, казалось, так хотела блестящие, новые туфли для чечетки, а теперь она их возненавидит. Теперь она хочет меч.

Образ моей маленькой балерины с огромным мечом в руках вызывает у меня смех, несмотря на тревогу. Вот это было бы зрелище.

Когда я выхожу из ее комнаты, то прислоняюсь спиной к стене, пытаюсь придумать план. Сейчас уже за девять часов вечера, канун Рождества, на улице бушует метель. Сейчас даже нет возможности добраться до торгового центра, даже если бы он был открыт. И у меня нет игрушечных мечей, как и у Тео, и...

Стоп!

У меня появилась идея. По спине пробегают мурашки от внезапной догадки.

Пронесшись по коридору, я влетаю в гостиную, зову мистера Бейли. Он отрывает взгляд от кружки с какао.

– Все в порядке, Брант?

– Думаю, да. Надеюсь, – выпаливаю я, проверяя время на огромных настенных часах. –

Мне нужна помощь.

– Что угодно.

Что угодно. Без вопросов, без колебаний.

Я улыбаюсь.

Мне нужен меч.

* * *

Рождественское утро – это самый настоящий хаос.

Упаковочная бумага, банты, пакеты, игрушки, коробки.

Смех, вопли, музыка.

Мистер и миссис Бейли все еще в халатах, сжимают кружки с кофе и уплетают остатки булочек с корицей. За окном по-прежнему падает снег, создавая идеальный фон для такого волшебного утра.

Джун прорывается к последнему трофею, ее волосы в полном хаосе. Локоны, завитые накануне вечером, наполовину распались, пряди оттенка ириски наэлектризовались, а на ногах красуются не тапочки, а блестящие туфли для чечетки.

Она распаковывает последний подарок, убирает картон, открывая взору «Домик мечты Барби». Я улавливаю, как ее улыбка слегка меркнет лишь на мгновение.

– Ух ты, круто, – говорит она, доставая игрушку. – Спасибо, Санта.

Сидя на ковре, я откидываюсь назад, наблюдая за происходящим. Это было замечательное Рождество: мы с Тео получили новую игровую приставку Nintendo под названием Wii и множество новых игр. Нам подарили одежду, постеры для наших комнат. Еще Бейли подарили мне кулинарные книги вместе с личным фартуком, на котором красовалась надпись «*Шеф-повар в процессе обучения*».

У меня есть все, чего я только могу пожелать.

Кроме одного.

Джун тихонько играет, потом подползает к дивану и запрыгивает, драматично вздыхая. Она поводит плечами, сдувая с лица прядь волос.

– Что случилось, Джунбаг? Тебе нравятся твои подарки?

– Да, нравятся. – Она покачивает ногами вперед-назад. – Больше всего мне нравятся туфли для чечетки. И куколка для купания.

– Тогда почему ты такая грустная?

Она пожимает плечами, отводя взгляд:

– Я не получила меч. Думаю, Санта думает, что я недостаточно храбрая.

Обменявшись взглядом с Бейли, я забираюсь рядом с ней на диван и хлопаю ее по колену.

– Помнишь, что я сказал тебе прошлой ночью? Тебе не нужен меч, чтобы быть храброй.

Смелость идет изнутри.

– Наверное.

– Я серьезно, Джун. Быть храбрым – это выбор, а выбор – величайшее оружие из всех возможных. Обещаю, меч тебе не понадобится.

Джун поджимает губы и смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Они блестят, как мишура на елке.

– Правда?

– Конечно, правда.

– Ладно тогда, – кивает она, улыбаясь. – Я храбрая. Я самая храбрая девочка на целом свете.

Я широко улыбаюсь:

– Скажи это еще раз, Джунбаг. Громче.

– Я самая храбрая девочка на целом свете, и мне не нужен меч!

Мы все смеемся, когда ее тоненький голосок ломается. Я притягиваю ее к себе и крепко обнимаю. Поцеловав ее в макушку, я шепчу ей на ухо:

– Иди, посмотри под елкой.

Она удивленно смотрит:

– Зачем?

– Там что-то появилось, как по волшебству.

Она замешкалась лишь на секунду, а потом вскочила с дивана и бросилась к елке. Она изумленно восклицает:

– Еще один подарок!

Тео удивленно поднимает брови, глядя на меня, а мистер Бейли мне подмигивает. Джун тащит длинный, узкий подарок в центр комнаты и нетерпеливо разрывает упаковку.

Распаковав подарок, она открывает рот в изумлении.

Высоко подняв, она держит в руках длинный деревянный меч, окрашенный в розовый и серебряный цвета.

– Вау! – визжит она от восторга.

Мы с мистером Бейли не спали почти всю ночь, вырезая для Джун самодельный меч из деревянных досок нашего старого домика на дереве. Ему сразу понравилась идея. А еще понравилось, что нечто, доставившее боль, может стать чем-то, что приносит радость. Покрасил я его неидеально, но Джун, кажется, этого не замечает.

Она так счастлива и чуть не плачет, крепко держа меч высоко в воздухе.

– Посмотри-ка, Джун, – говорю я, поднимаясь на ноги. – Думаю, тебе не нужен меч, чтобы быть храброй, но иметь его, конечно, приятно.

– Мне так нравится! Санта – лучший!

Я улыбаюсь про себя, наслаждаясь восторгом, светящимся в ее глазах. Когда-нибудь она узнает, кто на самом деле сделал ей этот меч, а пока нет ничего сказочнее рождественского волшебства.

Мистер Бейли прочищает горло, шлепает жену по колену и поднимается с дивана.

– Ну, раз уж мы заговорили о сюрпризах, думаю, у Санты есть еще один фокус в рукаве. Сегодня утром я нашел кое-что с запиской, на которой было написано: «Для Джун, Теодора и Бранта».

У меня застучало сердце, я обмениваюсь удивленным взглядом с Тео и Джун.

Мы уже получили так много подарков на Рождество... что же еще это может быть?

– Я сейчас вернусь, – объявляет мистер Бейли и исчезает в подвале. Он возвращается через несколько минут. Мы все замираем в любопытстве, в то время как миссис Бейли, улыбаясь, потягивает свой кофе. Он ставит возле нас на ковер огромную коробку, завернутую в блестящую бумагу с изображением Санты. – Давайте. Открывайте.

Мы все снова переглядываемся.

Тео налетает первым.

Мы с Джун наклоняемся над коробкой, бумага летит в разные стороны, картон рвется, мы жадно пытаемся разглядеть, что же скрывается внутри.

Когда наконец распахивается крышка коробки, Тео отпрыгивает назад.

Джун вскрикивает.

Бейли смеются.

А я...

Ну а я начинаю подпрыгивать и кричать, поднимая взгляд к потолку со вскинутыми руками:

– Щенок!

* * *

Это был щенок.

Маленькая черно-коричневая такса, едва ли больше моей руки – то, о чем я мечтал с тех самых пор, как соседская собака облизнула мне пальцы через забор в моем старом дворе.

Прошло шесть лет, и я наконец-то получил щенка, о котором всегда мечтал.

Никогда не забуду, как стоял возле дома под облаками, походившими на сахарную вату, и говорил маме, что назову его Йоши... так мы его и назвали.

Йоши был неизменным спутником на протяжении многих лет. Какое-то время мы представляли себе, что он настоящий Йоши, и продолжали разыгрывать героические сценарии из видеоигр с Джун в роли принцессы в беде. У нас больше не было домика на дереве, но у нас были фруктовые деревья, сады и много незнакомых акров земли, которые можно было исследовать на заднем дворе нашего дома.

Но мы с Тео становились старше.

И с течением времени наше воображение меркло, и ему на смену пришло нечто более интригующее...

Девочки.

Глава девятая «Первый поцелуй»

Брант, 15 лет

Сегодня девятый день рождения Джун. Тетя Келли здесь, потому что это и девятилетняя годовщина смерти моих родителей.

Это и праздник, и траур в одном лице, и к такому сочетанию я, наверное, никогда не привыкну.

Взрослые собрались на патио, беседуя под цветущими деревьями. Они попивают чай, капучино, а также поедают печенье и маффины, которые я испек, пока Джун со своими одноклассниками носилась под поливочными аппаратами на заднем дворе. Йоши прячется от солнца под столиком, а Тео и его новая подружка, которой оказалась Моника Портер, уютно устроились на садовых качелях, лениво болтая ногами. Их смех долетает до меня сквозь москитную дверь.

– Ты должен пойти в этом году, Брант, – подходя ко мне со спины, говорит миссис Бейли, неся в руках поднос овощей и соусов. – Келли очень хочет, чтобы ты поехал.

Я прикусываю нижнюю губу:

– Сегодня день рождения Джун. Я не хочу быть грустным и подавленным в ее день рождения.

– В этот день всегда будет ее день рождения. Рано или поздно тебе придется пойти, верно?

Я тяжело вздыхаю и одергиваю кружевные шторы. Тетя Келли приезжает каждый год первого июня, надеясь, что я наконец пойду с ней и навещу могилу матери.

Не то чтобы я не хотел...

Ну... может быть, дело в том, что я как раз не хочу этого.

Я бы предпочел быть здесь, с Джун, праздновать еще один год ее жизни, вместо того чтобы погрязнуть в жизни, которую я потерял.

Я поворачиваюсь, прислоняюсь к одному из стульев, украшенных розовыми и белыми помпонами из папиросной бумаги и блестящими ленточками. Со вкусом подобранный декор в балетной тематике украшает весь первый этаж, и это выглядит как вечеринка мечты для маленькой девочки.

Миссис Бейли ставит поднос с едой рядом со мной на стол, тяжело вздыхая. Она смотрит на меня тем самым взглядом, который, знаю по опыту, предшествует мудрому совету, который я, вероятно, не оценю.

– Я знаю, что ты боишься идти, милый. Я знаю, что это тяжело. Но я никогда не забуду, что ты сказал Джун несколько лет назад перед ее самым первым выступлением... – На ее льняных волосах проступают серебряные нити под ярким освещением, напоминая мне, что она стареет.

Я становлюсь старше.

В апреле этого года мне исполнилось пятнадцать, и сейчас я оканчиваю первый год старшей школы. У меня стала пробиваться щетина. Голос превратился из юношеского и скрипучего в почти мужской. Глубокий баритон сформировался почти за год. Весь этот переход был довольно дискомфортным.

Почесывая вечно зудящую щетину, я поднимаю взгляд на миссис Бэйли, ожидая, что она скажет.

Она улыбается.

– Тебе просто нужно быть смелым в первый раз, а потом уже будет намного легче. – Похоже, она просто использует мою мудрость против меня же.

Но я слишком труслив, чтобы воспользоваться им.

Я поднимаюсь со стула и качаю головой.

– Может быть, в следующем году, – прокашливаясь, бормочу я и снова выглядываю сквозь приоткрытые шторы. – Как ты думаешь, они готовы к торту?

Сменить тему, заговорив о кондитерских изделиях, – звучит заманчиво, поэтому шаркающей походкой я подхожу к праздничному торту, который сделал на скорую руку, покрыв его малиновым кремом и шоколадной глазурью.

Я люблю готовить. Я люблю печь.

И, по словам всех, кто ест мою еду, у меня это весьма неплохо получается.

Думаю, в этом я пошел в маму. Интересно, гордилась бы она мной?

Рубашка без рукавов на мне висит. Я худощавый и долговязый, около шести футов¹⁷ ростом, но я еще почти не набрал мышечной массы.

Тео каждый день поднимает вес, так что он набирает его быстрее меня, надеясь в следующем году попасть в футбольную команду. Может, я присоединюсь к нему, если мне удастся поправиться.

Прежде чем я дохожу до холодильника, раздвижная дверь со скрипом открывается. Я поворачиваюсь и вижу насквозь промокшую Джун, переступающую порог. Она в купальнике и розовой пачке, каштановые волосы намокли и обвисли.

– Время торга? – щебечет она. Она делает пируэт, грациозно кружась босиком на керамической плитке, а затем улыбается мне. У нее длинные волосы, теперь они такие длинные, что их концы доходят до талии. – Я такая голодная.

– Уже иду, Джунбаг, – ухмыляюсь я.

– Джун, с тебя капает вода, – ругается миссис Бейли, выпроваживая ее обратно на улицу. – И травинки сыпятся.

– Торт! – кричит она мне сквозь смех и исчезает в море визжащих детей. Миссис Бейли потирает переносицу, и не успевает она вынести поднос на улицу, как дверь снова открывается. Джун просовывает голову, вид у нее лихорадочный. – Брант, ты мне нужен! Давай быстрее.

Я поднимаю бровь:

– Зачем?

– Нет времени на вопросы. Это срочно!

Очки за драматизм и саспенс.

Посмеиваясь себе под нос, я проношусь мимо миссис Бейли, обмениваясь с ней удивленной улыбкой, и следую за Джун на улицу навстречу «очень срочному делу».

Через две минуты Джун уже запрыгивает мне на спину, сырой купальник намочил мне футболку. Ее длинные мокрые волосы бьют меня по лицу каждый раз, когда я делаю огромный шаг, в то время как толпа одурманенных девятилеток и крошечная такса несутся за нами. Руки Джун похожи на чернослив от многочасового пребывания в воде, а когда дети начинают нас догонять, от ее пронзительных визгов у меня лопаются барабанные перепонки.

– Давай быстрее, Брант! Быстрее!

– Я не могу идти быстрее. Трава слишком мокрая.

– Ты должен!

Я набираю в легкие побольше воздуха и мчусь вперед. Джун еще крепче обхватывает меня за шею, едва ли не душая.

Очевидно, никакой чрезвычайной ситуации и не было. Джун просто хотела доказать, что я лучше всех в мире катаю на спине. А теперь еще одиннадцать третьеклашек наступают мне на пятки, желая убедиться в этом лично.

Чего я только не сделаю ради этого ребенка.

¹⁷ 6 футов – около 1,82 м.

– Да, Брант... быстрее! – на этот раз меня зовет другой голос – знакомый голос. Когда я поворачиваю голову влево, Венди Нипперсинк машет мне рукой откуда-то с периферии, на ней угрожающе коротенький сарафан, а в глазах – смертоносный блеск.

Отвлечшись, я поскользываюсь, и мы падаем.

Черт.

Я инстинктивно тянусь к спине, стараясь изо всех сил удержать Джун, и падаю лицом вниз в мокрую траву. Ее крик превращается в безудержный смех, когда она кружится вокруг меня. Я так и лежу, пытаюсь решить, пострадал ли мой подбородок больше, чем моя гордость.

Не уверен.

Перекатившись на спину, я перевожу дыхание, когда в поле моего зрения, нависая надо мной появляются рубиново-рыжие волосы. Венди обеспокоенно спрашивает:

– Ты в порядке, Брант?

Йоши облизывает мне лицо, словно пытаюсь вернуть к жизни.

Следом появляется встревоженный Тео, он мчится прямо к Джун.

– Черт возьми, Пич... ты в порядке? Ты ничего не сломала?

– Я в порядке! – Она все еще смеется.

А я все еще пытаюсь найти способ стереть из памяти последние пятнадцать секунд моей жизни.

Я приподнимаюсь на локтях, бросая взгляд на Джун, дабы убедиться в том, что *она* в порядке.

Она выглядит невредимой, и я с облегчением выдыхаю. Толпа детей окружает нас, за ними следуют Моника и несколько взрослых. Я прокашливаюсь, протягивая руку Джун, чтобы помочь ей подняться.

– Извини, Джунбаг. Думаю, меня нужно лишить титула лучшего в мире «катальщика на спине», а?

Она морщит носик:

– Это было очень весело! Давай еще раз?

– Я хочу!

– Моя очередь!

Друзья Джун начинают меня окружать, но я вовремя спасаюсь, когда кто-то хватается за запястье, выводя из неминуемой осады. Я оглядываюсь через плечо на Джун, замечая, как тускнеют ее голубые глаза, когда я удаляюсь. Чувствую легкий укол в груди, когда она дуется, но запах кокосового парфюма возвращает меня к девушке, которая держит мое запястье.

Я вспыхиваю, когда наши глаза встречаются.

– Ты точно в порядке, Соник?

Я замялся, бормоча:

– Соник?¹⁸

– Ежик, дурак. – Сверкнув зубами, она заглаживает оскорбление. – Ты быстрый.

– И видимо, неуклюжий.

– Может, тебя просто отвлекли, – подмигивает она, увлекая меня к садовым качелям. – Садись со мной.

Венди расправляет свой мятно-зеленый сарафан, который словно оттеняет красноватый подтон ее волос, затем усаживается. Я сажусь рядом с ней, оставляя между нами пространство. Немного покашливая, я спрашиваю:

– Что ты здесь делаешь?

¹⁸ Соник (*англ.* Sonic) – еж, главный персонаж серии видеоигр Sonic the Hedgehog от компании Sega, а также созданных на ее основе комиксов, мультсериалов и полнометражных фильмов. Свое имя Соник получил за способность бегать на сверхзвуковых скоростях (*англ.* sonic – «звуковой; со скоростью звука»).

– Моника мне написала. Сказала, что будет торт, – говорит она мне, изучая свои острые малиновые ногти. – Я не могу устоять перед тортом.

Она смотрит на меня таким взглядом, что у меня возникает ощущение, будто торт – это я.

Я прочищаю горло:

– Круто. Я сам его испек... он с малиновым вкусом.

– Мой любимый.

Ее глаза цвета корицы кажутся светлее под прямыми солнечными лучами – теперь они похожи на медные монетки. Я чувствую, что нужно разорвать с ней зрительный контакт, поэтому опускаю взгляд, останавливаясь на декольте. Честно говоря, не лучшая идея, но на этот раз я не могу отвести взгляд. Она округлилась за последний год, и у нее выросла грудь. С каждым днем Венди все больше становится похожей на женщину. Заставляя меня все больше чувствовать себя мужчиной.

Прикусив губу, я мысленно приказываю себе поднять взгляд на ее лицо. Я беспокойно ерзаю, когда замечаю ее мимолетную улыбку. Венди поймала меня, когда я пялился на ее грудь, как идиот.

– Эй, не хочешь встретиться со мной в парке попозже? После вечеринки? – спрашивает она.

– В парке? – Я вытираю внезапно вспотевшие ладони об испачканные в траве ноги, мысленно спрашивая себя, не кроется ли в ее приглашении что-то еще. Единственный раз за последние несколько лет, когда я был на детской площадке, – это когда забирал Джун.

– А зачем ты хочешь пойти туда?

Она пожимает плечами:

– Видимо, тебе предстоит это узнать.

Я уверен, что она флиртует со мной. Я снова с трудом сглатываю.

– Время торта! – раздается голос миссис Бейли с террасы, и дюжина детей несется к праздничному столу.

Джун плетется за своими друзьями, выглядя вялой и грустной. Даже ее пачка выглядит грустной и уныло свисает с ее маленькой фигурки. Я мрачней и говорю Венди, что сейчас вернусь, затем спрыгиваю с качелей и несусь к Джун. Она немного оживляется, замечая, что я иду к ней.

– Джунбаг. Тебе весело?

– Конечно, наверное. А тебе весело? – Ее взгляд скользит мимо меня, туда, где Венди вяло покачивается на качелях. Теперь к ней присоединилась Моника.

– Да, если тебе весело.

Джун искренне улыбается. Она берет меня за руку и ведет к столу, где сидят ее друзья в предвкушении праздничного торта.

– Я сейчас буду загадывать желание. Сядешь рядом со мной?

– Конечно.

Тетя Келли слегка сжимает мне руку, когда я проношусь мимо.

– Твоя мама бы тобой гордилась, – говорит она мне вслед.

Вздвигнув, я поворачиваюсь и киваю ей.

– Итак, – объявляет мистер Бейли, доставая из кармана зажигалку. Он проводит рукой по вспотевшим темным редееющим волосам. – Мы все хотим, чтобы у Джун был замечательный день, поэтому мы споем *Happy Birthday* так громко, как только сможем. Готовы?

– Готовы! – кричат гости в ответ.

Я выдвигаю стул рядом с Джун и наблюдаю, как ее лицо озаряется волшебством. На коже у нее виднеются пятна грязи, волосы спутаны, но я никогда прежде не видел ее такой сияющей.

Она все еще держит меня за руку, когда вокруг нас раздается нестройный хор голосов, я приближаю ее, отчего она улыбается еще ослепительнее.

Когда звучит последняя нота, она закрывает глаза и делает большой вдох, а затем наклоняется к столу и задувает свечи. Мы по-прежнему держимся за руки.

Все хлопают. Она радостно подпрыгивает, изящно покружившись.

– С днем рождения, Джунбаг, – говорю я, разделяя радость, сияющую на ее лице.

Джун улыбается еще шире, наклоняется ко мне и шепчет на ухо:

– Я загадала, чтобы твоя мама вернулась.

Сердце пропускает удар. Я резко выдыхаю.

Прежде чем я успеваю подобрать слова, Джун отворачивается и начинает без остановки скандировать:

– *Торт!*

В это время мистер Бейли раздает тарелки.

Я, словно прикованный, не могу подняться со стула, пока ее желание пронесется сквозь меня. Следующие двадцать минут пролетают как в тумане, в мыслях оживает другая жизнь, а сердце разрывается от угрызений совести.

Я откидываюсь на спинку стула, уставившись в пустоту. И тут тетя Келли объявляет о своем отбытии. Она трогает меня за плечо:

– Ты уверен, что не хочешь пойти, Брант? Конечно, я не принуждаю, но... это было бы замечательно, если бы ты захотел.

Сфокусировав взгляд, я возвращаюсь к реальности, смотрю на нее, поднимаясь со складного стула. Я почесываю затылок, раздумывая, как бы получше выйти из этого положения.

– Я... эм, думаю, я останусь здесь с Джун. Мне бы не хотелось уходить с ее праздника.

Она грустно улыбается, все понимая:

– Хорошо. Если ты когда-нибудь передумаешь, просто позвони мне.

– Спасибо, тетя Келли.

Она подходит ближе и крепко меня обнимает. Она всегда удерживает меня в объятиях немного дольше, чем все остальные, и я задаюсь вопросом, не пытается ли она таким образом вобрать в себя частички моей матери.

Тетя Келли со всеми прощается, гости начинают постепенно расходиться, когда солнце садится за облаками. Венди кокетливо машет мне рукой на прощание, за ней следует и Моника. Тем временем Тео шлепает свою девушку по заднице и забегает в дом.

Остаемся только мы с Джун. Она ковыряется в том, что осталось от малинового крема на праздничном торте, затем облизывает губы.

– Очень вкусно, Брант. Ты самый лучший повар на свете.

Я все еще чувствую себя потрясенным, но я заставляю себя улыбнуться:

– Все лучшее для тебя.

– Ты ведь не любишь Венди больше, чем меня, правда?

– Что? – Ее вопрос застает меня врасплох, и я поворачиваюсь к ней лицом. – Почему ты спрашиваешь?

Она пожимает плечами, под лучами заходящего солнца ее волосы высыхают.

– Ты странно на нее посмотрел. Ты всегда смотришь на нее странно, когда она приходит.

– Я не... – Я судорожно прокручиваю мысли в поисках подходящего ответа. – Я вообще не люблю Венди. Я никогда не смогу полюбить кого-то больше, чем тебя.

– Правда? – Ее глаза расширились так, что кажутся еще более голубыми при естественном освещении.

– Конечно, правда.

– Сегодня ты пошел посидеть с ней, вместо того чтобы поиграть со мной.

Чувствую укол вины.

– Прости, Джун... Я не хотел расстраивать тебя. Чем старше мы становимся, тем больше у нас появляется друзей, поэтому я каждому уделяю время. Но ты должна помнить, что ты всегда будешь самой важной частью моей жизни. И жизни Тео тоже.

Она кидается мне на шею, прижимаясь лицом. Я обнимаю ее в ответ, и она бормочет, уткнувшись в воротник моей рубашки:

– У меня самые лучшие братья на свете.

Я напрягаюсь в ее объятиях, отвергая это слово.

По правде говоря, я не знаю, почему никак не могу этого принять, ведь она моя сводная сестра, в конце концов.

Есть юридический документ, подтверждающий это. Но я никогда не чувствовал ничего родственного к Бейли, и это не в негативном смысле. Мне всегда казалось, что я вырос в доме с моими лучшими друзьями, и ничего больше. Не из-за нехватки любви или привязанности – вовсе нет. Я даже не могу этого объяснить.

И, возможно, у других приемных детей нет такого ощущения, и это замечательно; это прекрасно – чувствовать, что тебя воспитывают кровные родственники, но я просто ощущаю это *иначе*...

Джун отстраняется и чмокает меня в щечку.

– Я пойду переоденусь в пижаму. Ты посмотришь со мной новую серию «Ханны Мон-таны»?

– Конечно, я... – Я замолкаю, вспомнив о своем таинственном свидании в парке с Венди. Я сглатываю ком в горле, отступая назад. – Ну, только не сегодня. Извини.

– Но сегодня же мой день рождения.

– Я пообещал другому другу, что встречу с ним сегодня вечером, но мне нужно вовремя вернуться домой, чтобы уложить тебя спать и спеть тебе песенку про радугу. Хорошо?

Она мрачнеет:

– Ты собираешься встретиться с Венди?

Я хмурюсь, поджимая губы. Не знаю, почему она так реагирует на Венди.

– Да.

У нее в глазах заблестели слезы – словно ножом по сердцу. Джун вскакивает со стула, чуть не опрокинув его, и босая бросается в дом.

Она не говорит мне ни слова.

Даже после того, как я, приведя себя в порядок, устало спускаюсь с Тео вниз и прощаюсь с ней, Джун просто молча таращится в экран телевизора, зарывшись на диване под пушистым пледом. Она игнорирует меня. Я вздыхаю. Понимаю, что ей всего девять и это не должно меня задевать...

Но все равно задевает.

* * *

– У тебя получилось!

Венди раскачивается на качелях, ее красноватые волосы собраны в два низких хвостика. Моника катается рядом с ней, когда мы с Тео подходим к ним. Деревянная стружка хрустит под кроссовками, я поправляю волосы, слегка прокашливаясь.

– Привет.

– Хорошо выглядите, дамы. – Тео поворачивает бейсболку козырьком назад. Он всегда знает, что сказать. Он всего на год старше меня, но такое ощущение, будто лет на десять.

Моника прыгивает с качелей и бросается на руки к своему парню, обвиваясь своими длинными ногами вокруг талии. Светло-пепельные волосы блестят в свете фонаря.

– Я скучала по тебе, – визжит она, прижимаясь к нему.

Они целуются.

Целуются очень долго, взасос. Срываются на стоны.

Я стою всего в футах от них и чувствую себя неловко. Я бросаю взгляд на Венди, она опускает голову и прикусывает губу с едва уловимой улыбочкой на лице. Не имея представления, что делать, пока Тео и Моника там засасываются, я засовываю руки в карманы джинсов и медленно подхожу к ней.

– Итак...

Она поднимает взгляд, словно ожидая чего-то большего.

Но мне нечего предложить.

Она хихикает и кивает головой на качели рядом с ней:

– Садись.

– Ладно.

Я так и поступаю: усаживаюсь на качели и отталкиваюсь ногами. Я смотрю на Венди, а она смотрит на меня. Мы смеемся и отводим взгляд.

– Ты раньше когда-нибудь целовался с девушкой?

От этого вопроса я поперхнулся. Поборов приступ кашля, я глубоко вдыхаю и отрицательно качаю головой. Мои щеки становятся пунцовыми от накатившего чувства стыда.

– Нет... а ты?

Она улыбается, в глазах загорается лукавый огонек.

– Нет. С девушкой я не целовалась.

До меня доходит, насколько неудачно я сформулировал вопрос, я резко опускаю голову, и глупая песенка Кэти Перри¹⁹ приходит мне на ум.

– Ты знаешь, о чем я.

– Да, знаю, – говорит она, издавая свистящий звук и посасывая нижнюю губу. – Я однажды целовалась с мальчиком. Прошлым летом на ярмарке. Он выиграл для меня мягкую игрушку, и я чувствовала себя обязанной ему, понимаешь?

– Конечно. Думаю, понимаю.

– Но он не тот, кого я хотела поцеловать.

У меня внезапно пересыхают губы, поэтому я облизываю их.

– Не тот?

Венди утвердительно качает головой, ковыряясь носком сандалии в деревянных щепках. Когда она поднимает на меня глаза, ее щеки заливают румянец.

– Я хотела поцеловать *тебя*, Брант Эллиотт.

– Меня? Почему?

– Потому что ты мне нравишься.

Полагаю, это достаточно убедительная причина.

– Поэтому ты попросила меня прийти сюда сегодня вечером? Чтобы поцеловать меня?

– Возможно.

Меня охватывает незнакомое чувство, словно бабочки в животе. Не уверен, что я должен что-то сделать с этой информацией.

Может быть, я должен поцеловать ее?

Моника заливается смехом, когда Тео подхватывает ее и перекидывает через плечо так, что она болтается вверх ногами.

– Опустить меня, Тео! Тебе же будет лучше, или, клянусь, сегодня ты ничего не получишь.

Ничего не получишь.

Я знаю, что это подразумевает секс.

¹⁹ Имеется в виду песня Кэти Перри I kissed a girl.

Мы с Тео близки, поэтому говорим о сексе: в частности, о том, что у него он есть, а у меня нет. Его первый раз был с Моникой Портер, ранее в этом году. Он улизнул из дома через окно своей спальни, прямо как в кино. Думаю, они оба занимались сексом первый раз на заднем сиденье Land Rover родителей Моника, что, как мне показалось, не очень-то удобно. Но Тео сказал, что это был один из лучших моментов в его жизни.

Он сказал мне, что я тоже должен попробовать.

Я сглатываю, переключая свое внимание на Венди. Ее глаза темнеют. Набравшись храбрости, я спрашиваю ее:

– У тебя уже был секс? – Я краснею, когда этот вопрос вырывается из меня. И я очень надеюсь, что она этого не заметит.

Венди поднимает брови, как будто она не ожидала этого вопроса.

– О, эм... нет. Только один поцелуй.

– Да, то же самое. – Я иду на попятную, снова прокашливаясь. – Я имею в виду секс. Но, уверен, это и так понятно, учитывая, что я ни с кем не целовался.

Кажется, я несу какую-то чушь. И мне кажется, что я вспотел.

Венди встает с качелей и протягивает мне руку.

– Пойдем.

– Куда?

– Просто немного прогуляемся.

Тео с Моникой потерялись в своем собственном мире, поэтому я, борясь с нервозностью, принимаю предложение Венди. Я беру ее за ладонь и встаю с качелей. Мы прогуливаемся по парку, держась за руки, пока легкий летний ветерок обдувает кожу.

– Так...

– Так, – повторяет она сквозь смех. – Ты собираешься меня поцеловать или что?

– Что?

Мы останавливаемся, и Венди поворачивается ко мне, смущенно улыбаясь.

– «Что» не было возможным вариантом, знаешь ли.

Она снова прикусывает губу, мой взгляд замирает на этом жесте. Стиснув зубы, я резко втягиваю воздух:

– Верно. Я знаю.

– Да, уверен?

Нет. Может быть. Вероятно. Да.

У меня бешено стучит сердце.

– Я думаю об этом. – Проклиная себя за то, что являюсь чертовым трусом, я провожу ладонью по лицу и мысленно приказываю своему вырывающемуся из груди сердцу успокоиться. Затем я протягиваю руки и прижимаю ладони к ее щекам, возможно, немного грубо. Она резко втягивает воздух в удивлении, и я ослабляю хватку. – Мне жаль...

Венди высовывает язык и облизывает пересохшие губы, не сводя глаз с моих.

– А мне нет.

– Все в порядке?

– Да. Более чем. Это то, о чем я мечтаю уже несколько лет.

– Несколько лет, хм? – Прикусив щеку, я провожу большим пальцем по ее лицу. – Это немалый срок для того, чтобы мечтать о поцелуе с кем-то.

– Уверена, это стоит всех лет ожидания.

Наши взгляды снова встречаются на мгновение, а потом я наклоняюсь ближе. Я дышу прерывисто и сбивчиво. Меня накрывают эмоции, и я прошу лишь, чтобы тело не дрожало, как у неопытного дурачка. Я размыкаю губы, то же делает и она. Придвигаясь ближе, я последний раз глубоко вдыхаю, не оставляя между нами пространства, и мои губы сливаются с ее губами.

Сначала я целую ее осторожно, просто щекоча или лаская. Мы словно парим, она скользит руками по моим бедрам, застывая на поясе.

Венди издает тихий стон, что-то вроде вздоха. Я воспринимаю это как приглашение поцеловать ее сильнее. Когда я провожу языком по ее верхней губе, она снова издает этот звук – на этот раз громче.

А потом она проникает языком мне в рот, чуть не лишая равновесия и заставляя меня всего вспыхнуть. Повинуясь инстинктам, я сжимаю ее лицо между ладонями, кончиками пальцев зарываюсь в ее волосах, пока мы целуемся.

Наши бедра прижимаются друг к другу. Интересно, чувствует ли она мое тело? Интересно, пугает ли это ее?

– Брант, – шепчет она срывающимся голосом, слегка отстраняясь. – Ты очень хорошо целуешься.

Глаза дрожат под опущенными веками.

– Правда?

Я чувствую, как она кивает.

– Мне хочется и дальше целовать тебя. Всю ночь, если ты не против.

– Да, я бы хотел... – Я готов уступить. Мое тело умоляет меня уступить. Но что-то останавливает меня, и я отшатываюсь назад, распахивая глаза. Я сказал Джун, что вернусь домой пораньше, чтобы уложить ее в постель, в конце концов, сегодня ее день рождения, и я не могу ее подвести. – Вообще-то, мне правда пора. Я сказал Джун, что уложу ее спать, а уже довольно поздно.

Венди морщится, проводя языком по губам:

– Ты хочешь прекратить целоваться только ради того, чтобы уложить свою маленькую сестренку в постель?

Не уверен, что мне нравится подтекст, скрытый в ее интонации.

– Да, – а потом добавляю: – Она мне не сестра.

– Ну, тогда ладно. – Она отстраняется от меня, приглаживая волосы. – Хорошо провести время.

– Ты звучишь сердито.

– Я не сержусь. Просто разочарована, наверное.

– Это не значит, что мы никогда не сможем больше целоваться. Просто сегодня мне нужно еще кое-что сделать.

– Что-то более важное, имеешь в виду.

Я делаю шаг назад, пока мы не оказываемся на расстоянии не менее фута друг от друга.

– Ну, да. Вообще-то так и есть.

Венди скрещивает руки на груди, поджимает губы и отводит взгляд в сторону. У нее покраснели щеки, и я не уверен, это из-за нашего поцелуя или потому, что она злится, что я все испортил.

Она выглядит расстроенной из-за меня, а мне это кажется несправедливым.

Тяжело вздохнув, Венди все еще отказывается смотреть мне в глаза.

– Может быть, мой брат был прав. Уайетт сказал, что, сохнув по тебе, я зря трачу время. Сказал, что ты этого не стоишь.

– Очень мило, – горько прошелестел я. От одного только имени Уайетт у меня кровь закипает от болезненных воспоминаний. Он ужасно со мной обращался в самые уязвимые годы моей жизни.

Они оба.

И теперь все, о чем я могу думать, – это то, что я оставил Джун одну в ее день рождения. И все ради того, чтобы поцеловать девушку, которая раньше надо мной издевалась.

Я продолжаю отдаляться:

– Мне нужно идти. Хорошего вечера, Венди.

Она вздрагивает, словно испугавшись моего ухода, поэтому смягчается.

– Брант, подожди, – говорит она. – Я не это имела в виду, ты же знаешь. Я просто чувствую себя немного отвергнутой.

– Это был не отказ, – говорю я ей. – Это значит «продолжение следует». Но я не уверен, что хочу продолжения прямо сейчас.

Венди таращит глаза.

– Увидимся в школе в понедельник. – Я резко поворачиваюсь, а затем шагаю через парк, направляясь домой. Я прохожу мимо Тео и Моники. Они целуются, уютно устроившись в одной из игровых конструкций, так что я кричу им «пока», прежде чем удалиться.

– Ты уходишь? – спрашивает Тео, высовывая голову над горкой.

– Да, увидимся дома.

– Хорошо... увидимся там, Луиджи.

– До скорого, Марио.

А потом я срываюсь на бег, мчусь по пустынному тротуару, пока не добираюсь до нашего уединенного района с высокими деревьями и единственной гравийной дорогой. Камни хрустят под подошвой, легкие горят. Я бегу без остановки всю дорогу до дома, а когда распахиваю входную дверь и забегаю внутрь, начинаю оглядываться по сторонам в поисках Джун.

Но в гостиной только мистер и миссис Бейли, расположившиеся на терракотовом диванчике. Они поворачиваются в мою сторону, когда я врываюсь в дом, как ураган.

– Брант? Все в порядке?

Инстинктивно я провожу пальцами по губам, как будто, лишь взглянув на меня, они смогут определить, что я целовался с Венди Нипперсинк.

– Я в порядке. А где Джун?

– Она пошла спать пятнадцать минут назад, – отвечают мне.

Сердце замирает. Она пошла спать без моих колыбельных и сказок, не дождавшись моего обещания. Наверное, она была подавлена.

Я взлетаю по лестнице.

– Не буди ее, Брант, – зовет меня миссис Бейли. – Она уже, наверное, спит.

– Не буду.

Я лжец, но лучше уж быть лжецом, чем тем, кто нарушил обещание.

Осторожно просунув голову через приоткрытую дверь, я заглядываю внутрь: темная комната, освещенная только ночником в виде балерины.

Под одеялом лежит маленький комочек, только голова выглядывает наружу. Под подбородком – серый слоник.

Игнорируя слова миссис Бейли, я вхожу в комнату.

– Брант? – Джун поднимается, ее волосы наэлектризованы и находятся в беспорядке.

Слава богу.

Я бросаюсь к ее кровати, падаю на колени и хватаю ее за руку.

– Джунбаг... Прости, я опоздал.

Она внимательно смотрит на меня в темноте печальными глазами.

– Я дожидалась тебя.

– Я очень рад, что ты еще не уснула. Ты прощаешь меня?

– Наверное, – пожимает она плечами. Джун притягивает Агги к груди, обхватывая его руками. – Исполнилось ли желание, которое я загадала?

У меня внутри все сжимается. Ее невинное желание, словно нож, пронзает меня, сея больше хаоса, чем следовало.

И одновременно греет.

Греет потому, что маленькие девочки должны загадывать на день рождения ролики, новый велосипед или кукол, которые умеют говорить и плакать. Они не должны загадывать такие вещи.

Но она загадала это желание *ради меня*, и это самое важное.

Проводя ладонью по ее лбу, я мягко улыбаюсь:

– Это желание не сможет исполниться, Джун. Когда люди умирают, они не возвращаются обратно. Очень мило с твоей стороны, что ты попросила об этом.

– Тогда в чем смысл желаний? – нахмурилась она.

– Ну... я не совсем уверен. Думаю, они дают многим людям надежду.

– Лучше бы они просто сбывались.

– Да, – усмехаюсь я. – Я тоже так думаю.

Джун смотрит в потолок, в ее глазах проносятся хороводы мыслей.

– Брант? Если то желание не сбудется, могу я загадать что-нибудь другое?

– Конечно.

– Ладно... Я хочу, чтобы мы всегда были вместе.

– Всегда, да?

Она кивает, дергая Агги за потрепанное ухо.

– Навсегда-навсегда. Это же желание сбудется, да?

Я надеюсь на это, Джунбаг.

А иногда надежда – это все, что у нас есть.

– Не сомневаюсь, – говорю я, а затем целую ее в висок и поднимаюсь на ноги. Я поворачиваюсь, чтобы выйти из комнаты, но в какой-то момент замираю в дверях, чтобы прошептать в темноту финальные слова:

– С днем рождения!

* * *

Наверняка вам интересно узнать, исполнилось ли желание Джун.

Я бы с удовольствием рассказал вам об этом, но это испортило бы концовку истории.

А чтобы понять конец, нужно знать середину.

Я должен вас предупредить, что середина не очень приятная. Она запутанная, сложная и временами – душераздирающая до невозможности.

Я перенесусь на три года вперед, в снежный декабрьский день. Я все еще думаю о том дне, даже спустя столько лет. Этот день до сих пор преследует меня. Он до сих пор не дает мне спать по ночам.

В тот день я испугался, что желание Джун никогда не исполнится...

Глава десятая «Первый снег»

Брант, 18 лет

– Джун пропала.

Мы с Тео подсакиваем с дивана, напрочь забыв про наш марафон Final Fantasy²⁰. Йоши спрыгивает с кровати, стуча коготками о деревянный пол, когда выбегает из спальни, словно напуган не меньше нас.

– Что? – выпаливаю я.

Я все расслышал и в первый раз. Может быть, я просто не хотел это слышать.

Саманта Бейли вытащила из волос ручку с синими чернилами и начала щелкать концом ручки снова и снова, как будто это подскажет ей, куда пошла Джун.

– Она хотела пойти в торговый центр, чтобы встретиться с друзьями, но я ей не разрешила из-за метели, и...

– Я поеду в торговый центр. – Я уже натягиваю шерстяной свитер и мчусь напрямик к двери. Это первый снег в этом году, он очень сильно идет, но я проеду весь город, пока не найду ее, будь прокляты дерьмовые шины.

Тео следует за мной по пятам.

– С кем она там собиралась встретиться? – бросает он своей матери через плечо. – Я посмотрю, не оставила ли она свой телефон.

– Она уже почти подросток, – напоминаю я ему. – Она не оставила телефон.

Саманта идет позади нас, в панике бормоча под нос:

– Господи, помоги мне... Я позвоню маме Селесты еще раз. Я уже пыталась дважды, но звонок переходит на голосовую почту.

Я быстро натягиваю зимние ботинки, чуть не споткнувшись в холле. Тео бросает мне ключи от машины, я ловлю их на ходу, говоря:

– Она могла пойти пешком к Селесте. Это недалеко. И если ее там нет, мы можем разделить. Проверим больше мест.

– Так точно, Луиджи.

– Я останусь здесь на случай, если она вернется домой. И если она не будет здесь в течение часа, я звоню в полицию, – с тревогой говорит Саманта, пока мы застегиваем куртки. Она кладет руку на сердце, сжимая кардиган. В глазах застыли слезы. – Пожалуйста, будьте осторожны.

Кивнув, я подаю знак Тео, и мы оба выходим напрямик в декабрьскую метель. Крупные, тяжелые снежинки обрушиваются непроглядной стеной с жемчужно-серого неба почти так же быстро, как мое сердце колотится в груди. Я пробираюсь сквозь несколько дюймов свежеевыпавшего снега, и мы оба запрыгиваем в мою Corolla, надеясь, что скрипучий ремень, который мне давно бы пора заменить, не треснет и не убьет нас.

Где ты, черт возьми, Джунбаг?

Она быстро растет.

Боже... она растет *слишком* быстро. Через шесть месяцев она будет подростком, и мы уже ощущаем вкус того, что ждет нас впереди: гормоны, дерзкое поведение, эмоции.

Мальчики.

Господи, эти мальчики меня убьют. Она влюбилась в паренька по имени Марти. И я даже не знаю этого Марти, но уже хочу усадить его перед собой и силой выбить из него информацию о намерениях в отношении Джун.

²⁰ Final Fantasy (англ. – «Последняя фантазия») – серия компьютерных ролевых игр. Чаще всего в центре сюжета оказываются разные по способностям герои, преследующие благородную цель – спасти все живое от вселенского зла.

Я понимаю, что ему двенадцать.

И у него намерения будут как у двенадцатилетнего: например, пойти на танцы для младших школьников или поесть выпечку и мороженое в фуд-корте в каком-нибудь торговом центре. Возможно, еще покататься на катке.

Но, черт возьми, никогда не знаешь наверняка, кто перед тобой. Интересно, а социопатов в наши дни можно выявить на ранних стадиях?

Что, если он Тед Банди²¹ в миниатюре, но пока только на пути становления?

Что, если он поклонник Декстера?²²

Что, если он...

Что, если он такой же, как мой отец?

– Ты думаешь о ней, да?

Я включаю дворники и смахиваю снежинки с волос, пытаюсь выехать с нечищенной подъездной дорожки. В машине воняет сигаретами Венди Newport.

– А ты разве нет? – отвечаю я, смотря в зеркало заднего вида.

– Конечно. Пич переносит всю эту тему «принцесса в беде» на новый, очень реалистичный уровень. – Он бросает мокрый от снега ботинок на приборную панель, встряхивает каштаново-рыжеватые волосы и опускает голову на подголовник.

– Она слишком умна, знаешь ли.

– Да, я знаю, – нажимаю на газ, колеса пробуксовывают, подбрасывая вверх комки снега.

Я делаю еще три попытки, затем бью по рулю, когда нам не удается сдвинуться с места. – Вот черт.

– Черт, я прокопаю под...

– Нет времени. Мы идем пешком.

Тео замирает. Возникает мимолетная пауза, но я не вижу никаких сомнений, когда наши глаза встречаются: мои каре-зеленые радужки замирают на его темно-голубых. Это связующая нить.

Это связь, которая объединяет нас с тех пор, когда мы стояли у подъездной дорожки моего дома и дали друг другу обещание защищать маленькую девочку.

– Идем, – говорит он, быстро вылезая из машины, и накидывает на голову капюшон серовато-белой куртки. – Спасем Пич, а потом отпразднуем это событие, надрвав тебе задницу в Mario Kart, как в старые добрые.

Запихнув ключи от машины в карман, я шаркаю рядом с ним, натягивая шапку на уши. Нос Тео, слегка заостренный и усеянный легкой россыпью веснушек, уже покраснел на холоде, а облачка пара клубятся в воздухе возле его лица. Мы плечом к плечу пробираемся по пустынной улице в сторону более оживленного района, где живет Селеста.

– Знаешь, я тут подумал, – размышляет Тео, роясь в карманах в поисках сигарет, от которых отказался два месяца назад. Как будто внезапно вспомнив что-то, он напрягается. – Думаю, пришло время мне наконец разрулить все свои дела. Сделать первые шаги. Съехать из дома родителей.

Мое собственное дыхание превращается в ледяные нити, высвобождающиеся из носа и рта.

– Я помогу со всем, что нужно.

– Знаю, что поможешь. – Мы обмениваемся быстрыми взглядами, прежде чем он опускает голову. – Блин, я не в себе с тех пор, как Моника уехала в колледж. Деградировал, понимаешь? Я действительно думал, что она хочет остаться здесь, со мной, поэтому отложил свои

²¹ Тед Банди (*англ.* Ted Bundy) – американский серийный убийца, насильник, похититель людей, каннибал и некрофил, действовавший в 1970-е годы. Его жертвами становились молодые девушки и девочки. Точное число его жертв неизвестно.

²² Декстер (*англ.* Dexter) – главный герой в одноименном сериале, серийный убийца.

собственные мечты в дальний ящик. Потом я впал в депрессию и не мог уделять внимание своим желаниям. Но время пришло, дружище. – Тео поднимает голову, выдыхает клубящийся пар в зимнюю стужу и смотрит на облака. – Я хочу быть копом.

Я мгновенно переношусь в прошлое, стою возле домика на дереве на нашем заднем дворе с Тео и Джун. Она была очарована причудливой божьей коровкой, ползающей на пальце брата, а я щекотал ее пухлый животик, – и это был первый раз, когда я назвала ее Джунбаг.

В тот же день Тео объявил о своей мечте.

«Я хочу спасать людей».

На меня накатывают эмоции. Ощущение, что круг наконец замкнулся.

– Это здорово, Тео, – говорю я и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него сквозь сильный снегопад. – Я серьезно. Это действительно здорово.

– Нужно же поддерживать образ Марио, да? – Он хитро улыбается. – Мой верный напарник будет держать оборону здесь вместе с Джун. По крайней мере, на некоторое время.

Я согласно киваю, и мы ускоряем шаг.

По правде говоря, я и сам-то не особенно преуспел. Этой весной я окончил школу и устроился на неперспективную работу в круглосуточный магазин. Я встречаюсь с девушкой, с которой мы то сходимся, то расходимся и которая мне нравится лишь отчасти. Может, мне стоит задуматься о колледже.

Кулинарной школе.

Черт, да даже должность повара в местной закусочной была бы началом.

Но что-то меня сдерживает...

Страх.

Страх, что что-то случится с Джун, если я буду учиться в колледже или долго работать. Страх, что через несколько лет она начнет встречаться не с тем парнем и меня не будет рядом, чтобы присматривать за ней. Страх, что она попадет в аварию, или встретит какого-нибудь маньяка в интернете, или начнет принимать наркотики.

Страх, что я не смогу защитить ее.

Это бессмысленный страх, который заставляет меня носиться по кругу и гоняться за собственным хвостом... но, черт возьми, он реален. Он убедителен. Он всепоглощающий.

Венди все время говорит мне, чтобы я переехал к ней, но я еще не готов к этому, и она не понимает почему.

А у меня нет вразумительного ответа.

Трудно объяснить что-то настолько неосознанное.

Когда мы собираемся перейти оживленную дорогу, знакомая машина притормаживает в конце нашей улицы, и мы отпрыгиваем назад, чтобы нас не облило слякотью.

Это Эндрю Бейли.

Он опускает окно, высовывает голову.

– Мне позвонила твоя мама, и я сразу же ушел с работы. Я уже был у Селесты дома, и ее там нет.

– Черт. – Я пинаю снег, мое беспокойство нарастает. – Куда она могла пойти? Я знаю, что в последнее время она была в плохом настроении, но это не похоже на нее.

Скользя по мокрому снегу, Тео проходит вдоль машины к пассажирскому сиденью.

– Куда бы ты ни поехал, я еду с тобой. Мы можем отправиться в торговый центр: возможно, мама подруги забрала ее.

– Ты идешь? – спрашивает Эндрю. Он смотрит на меня, беспокойство в его глазах отражает мое собственное волнение.

Я задумываюсь на минуту, но в итоге отрицательно качаю головой, понимая, что эффективнее будет разделиться.

– Я пройду пешком. Она могла забрести в парк или на горку, где катаются на санках.

Кивок.

– У тебя телефон с собой? Держи меня в курсе.

– Да, обязательно. – Я похлопываю по крыше машины, а затем отхожу назад. Эндрю разворачивается и уезжает в сторону торгового центра.

Меня пронизывает холодный ветер, пробирающий до костей. Я натягиваю шапку еще ниже, а затем потираю ладони в перчатках и выдвигаюсь в путь.

Парк Мак-Кинли находится всего в нескольких кварталах, и Джун частенько ездила туда на велосипеде, когда позволяла погода. Иногда я катался вместе с ней. Даже когда мои школьные друзья были на вечеринках, общались, тусовались, я был на детской площадке с Джун: бросал мяч в корзину, катался на роликах или перебрасывал мяч туда-сюда.

Впрочем, так было всегда.

Когда она зовет меня – я тут. Если я ей нужен, я всегда рядом.

Я был тем самым парнем, кто пропустил школьный бал выпускников, потому что он совпал с танцевальным конкурсом Джун.

Я громче всех болел на трибунах, когда ее команда заняла первое место в региональном дивизионе.

Я был тем самым парнем, кто пригласил ее на мороженое, чтобы отпраздновать тот вечер, а потом пошел с ней в парк, где мы сидели на качелях и вместе пели «*Выше радуги*» под звездным небом.

И это я все еще пою ей колыбельные.

И буду петь, пока она их не перерастет.

У меня колотится сердце, когда я набираю скорость, уворачиваясь от грязи и слякоти, летящей от проносящихся мимо машин.

Где же ты, черт возьми, Джунбаг?

Проклятие, она же прекрасно знает, что нельзя просто так уходить посреди метели.

Но ей двенадцать, а двенадцатилетние дети, полагаю, не всегда думают о последствиях.

Да и не все взрослые тоже.

Я пробираюсь по слою снега, пока не сворачиваю влево и не следую к входу в парк. Когда я огибаю угол, то прохожу мимо гигантской снежной насыпи, где катаются на санках, а также мимо скопления визжащих детей и укутанных родителей...

Я вижу ее.

Я вижу ее. Я нашел ее. Она в порядке.

Джунбаг.

У нее обветрились щеки, длинные светло-каштановые волосы развеваются в разные стороны. На ее голове надеты теплые наушники. Она отряхивает снег с голубого зимнего комбинезона, наблюдая, как группа детей бросает камни на замерзший пруд.

Бабушка купила ей такой же комбинезон в фиолетовом цвете на день рождения... но Джун знает, что я ненавижу фиолетовый.

Поэтому она упростила маму отвести ее в магазин, чтобы поменять его на другой цвет.

От одного только вида ее в том комбинезоне у меня сжалось все внутри.

Я делаю паузу, чтобы перевести дух, а затем наклоняюсь, упираясь руками в колени.

Облегчение от того, что она жива и здорова, до боли переполняет меня.

Но это облегчение быстро сменяется тревогой, когда я замечаю, кто эти другие дети – или, точнее, не дети. Вокруг нее группа восемнадцатилетних подростков – большинство из них отвратительны.

Один из них – худший из худших.

Уайетт Нипперсинк. Подлый братец Венди.

Какого черта?

Я выпрямляюсь, мышцы напрягаются. Затем подхожу ближе, пока до моих ушей не доносится звук ее милого голоса.

– Мне пора домой, – говорит она толпе отъявленных дебоширов. Другие дети и подростки разных возрастов слоняются вдоль края пруда. Они тыкают носками ботинок в лед, а затем с визгом отпрыгивают назад. Джун выглядит обеспокоенной, когда оглядывается вокруг. – Я просто хотела сделать снежных ангелов. Ты не нравишься моим братьям.

Уайетт посасывает сигарету, его уши покраснели от холода.

– Давай-давай, Джун. Сейчас твоя очередь. Ты же не можешь струсить перед всеми нами.

Мой гнев нарастает. Я понятия не имею, что задумал Уайетт, но этот засранец не дает мне покоя с тех пор, как я расстался с Венди в первый раз в середине выпускного класса. Он всегда был задиристым, но в тот вечер это все переросло во что-то личное. Тогда он чуть не выломал нам дверь, вопя что-то про Венди и ее разбитое сердце.

Наверное, я не мог винить его за то, что он переживает за свою сестру. Мы с Джун даже не родственники, но я бы сделал для нее то же самое.

Но это другое. Это уже переходит все границы.

Я приближаюсь к этой группе, расстояние ярдов десять²³.

– Я не хочу, – возражает Джун, подходя к покрывшейся льдом воде и заглядывая вниз. – Слишком скользко.

– Не будь такой неудачницей. Я пойду прямо за тобой, обещаю.

Я ускоряюсь и зову ее:

– Джун!

Она вскидывает голову так быстро, что теплые наушники с нее слетают. Хрустальные глаза, похожие на лед, расширяются, когда она видит меня.

– Бра...

Уайетт хватает ее за рукав куртки и, смеясь, толкает на лед. Она беспомощно скользит на коленях к центру пруда, пытаюсь встать.

У меня внутри все сжимается.

– Давай-давай, маленькая балерина, – язвит Уайетт. Он тушит окурок ботинком, выпуская из носа клубы дыма. – Покажи старшему брату, как красиво ты кружишься.

Один из его друзей пародирует балерину, вставая на цыпочки и пытаюсь покружиться на снегу – все начинают смеяться.

Джун не может удержать равновесие на льду, у нее разъезжаются ноги.

– Ты придурок! – кричит она, щеки краснеют от гнева. – Зачем ты это сделал?

Я сбегая с последнего холма, отделяющего меня от них:

– Джун, не двигайся! Я иду.

– Брант спешит на помощь, – язвительно усмехается Уайетт. Он плюет мне под ноги, когда я непроизвольно останавливаюсь. – Да просто развлекаюсь.

Не обращая на него внимания, я оглядываюсь вокруг в поисках предмета, которым можно было бы притянуть Джун к берегу. Длинная палка. Что угодно.

Я не уверен в плотности этого льда: он недостаточно толстый. Еще не было сильных морозов.

У Джун разъезжаются ноги, когда она пытается подняться. Во время очередной попытки она машет руками и падает навзничь, сильно ударившись о лед.

У меня кровь стынет в жилах.

Все смеются.

Джун выглядит так, будто сейчас расплечется.

²³ Примерно девять метров.

– Джун, замри... – говорю я ей, но все равно пытается подняться, пока по ее щекам текут слезы.

И в этот момент я слышу...

Треск.

Мы все это слышим.

Сначала это просто трещина, но этого достаточно, чтобы все мгновенно замолчали. Глаза Джун вспыхивают. Замерев, она смотрит на меня с расстояния нескольких футов. Мне кажется, что в этот момент время останавливается. Это как нажать на паузу, когда смотришь фильм. Зловещий антракт. Ветер жутко завывает, снежинки жалят мою кожу, и все кажется тяжелым. Или невесомым. Или и тем и другим.

Лед продолжает трескаться: уродливые вены разветвляются, поглощая кусок за куском.

– Брант...

Джун шепчет мое имя с середины пруда, это и тихий всхлип, и полная ужаса мольба.

Это последнее, что она произносит, когда лед под ней раскалывается.

– Джун!

Ее крик проносится по парку, и она уходит под лед.

Я не думаю.

Я просто двигаюсь.

Уайетт сбивчиво тараторит рядом со мной:

– Я не знал, чувак, я просто думал...

Я не слушаю.

Я. Просто. Двигаюсь.

Я мчусь по льду в надежде, что мне удастся не провалиться, пока я не доберусь до нее, но он быстро крошится, превращаясь в месиво.

– Брант! – Джун на мгновение всплывает на поверхность. Задыхаясь, она произносит мое имя, беспорядочно размахивая руками и уходя под воду.

Я следую за ней. Я проваливаюсь сквозь толщу льда, задыхаясь от холода. У меня трещат кости. Горит кожа. Кровь словно пошла льдом.

Но я не останавливаюсь.

Здесь неглубоко, но Джун уже тонет, находясь в состоянии шока. Я быстро подплываю к ней, а затем хватаю ее за талию и вытаскиваю на поверхность. Ее кожа выглядит бесцветной. Посиневшей... почти...

Фиолетовой.

Меня начинает мутить.

Кружится голова, отчего меня чуть не утягивает обратно под воду, но я упорно пробираюсь вперед к заснеженному берегу, где уже и след простыл от Уайетта и его компании – на их месте появились встревоженные очевидцы. Холодная вода и куски льда впиваются мне в тело – я не могу дышать. Мои легкие словно сковало льдом.

Меня трясет. Я сейчас потеряю сознание. Все вокруг меркнет.

Джун. Джун. Джун.

Я чудом добираюсь до суши и каким-то образом нахожу в себе силы вытолкнуть ее на берег. Незнакомый мужчина бросается на помощь и вытаскивает ее из воды, потом помогает мне.

Я в лихорадочной тряске падаю рядом с ней, а затем переворачиваюсь, чуть не накрывая ее хрупкую фигуру.

– Джунбаг... – хриплю я, касаясь ее щеки и заиндеветых волос. – Джунбаг, пожалуйста. Пожалуйста, пожалуйста.

Она вздрагивает.

Захлебывается.

Начинает откашливать воду, ее тело бьется в конвульсиях, затем она инстинктивно тянется ко мне, пытаясь вдохнуть. Джун трясет от холода, она цепляется мертвецки-синими пальцами за мою мокрую куртку.

Это все, что мне нужно.

Это все, что мне нужно знать. В результате я обессиленно падаю рядом с ней, смертельно изможденный.

Окружающий мир меркнет.

Глава одиннадцатая «На первый взгляд»

Джун, 12 лет

Меня захватила лихорадка.

Я просыпаюсь в канун Рождества, закутавшись в одеяло. Меня бьет озноб. Такое ощущение, будто я снова в воде, борюсь за воздух, отчаянно ишу тепла. Дрожу, барахтаюсь, тону...

Окаменевшая.

Легкие разрываются от мокрого кашля, когда я переворачиваюсь на бок, подтягиваю колени к груди и зарываюсь в постель. Солнечный свет проникает в комнату, оповещая, что сейчас день, но мне кажется, что я почти не спала.

Который час? Неужели все открывают подарки без меня?

Веки словно свинцовые. Я щурюсь от дневного света, так как слишком слаба, чтобы впитать его радостные лучи. Я пытаюсь позвать маму, но голос очень тихий. Пробивается лишь едва уловимый шепот, и я снова начинаю кашлять.

Мне холодно. Так холодно.

Матрас скрипит под моим дрожащим телом. И я чувствую, как он склоняется надо мной, прежде чем заговорить. Он теплый. Он совершенный.

Он мое все.

Он протягивает ко мне руку, собирает мои мокрые от пота волосы и осторожно кладет их на подушку. Его дыхание дрожит на моей коже, и затем следует самое дорогое мне слово в целом мире:

– Джунбаг.

Я с содроганием втягиваю воздух, сдерживая очередной приступ кашля:

– Я больна, Брант. Я очень тяжело больна.

– Я знаю.

– Мне нужно лекарство.

Брант переплетает свои пальцы с моими, а затем помогает мне перевернуться на спину. Каре-зеленые глаза смотрят на меня сверху вниз. Его радужки как почва и поляны, и при взгляде на них мне хочется резвиться на открытых лугах и разбить сад при первых красках дня.

Но не сегодня... Я слишком больна.

– Я хочу показать тебе кое-что, – говорит Брант, его темно-каштановые волосы волнами падают на глаза. Он с улыбкой убирает их назад. – Ты готова?

– Я... я так не думаю. – У меня во рту пересохло, как будто я подавилась ватными шариками. Я моргаю, всматриваясь сквозь лихорадочную дымку так, чтобы рассмотреть маленькую темную родинку под его нижней губой. Она растягивается, когда он улыбается. – Мне, наверное, нужен доктор. У меня зубы стучат.

– Я знаю, что тебе поможет. Пойдем.

– Куда мы идем? – Любопытство вытаскивает мое обессиленное и мокрое от пота тело из мягкого покоя моей кровати. Брант обхватывает меня рукой, поднимая на ватные ноги. – Это далеко?

– Не слишком далеко. Всего лишь выше радуги.

Я крепко сжимаю его руку для опоры:

– А?

– Давай.

Виски пульсируют в такт биению сердца.

Я держусь за руку Бранта обеими руками, когда приступ кашля сгибает меня пополам.

– Кажется, у меня грипп, Брант. Или мононуклеоз²⁴.

– Это пневмония. С тобой все будет в порядке.

– Пневмония? Дедушка умер от пневмонии, – говорю я ему, от охватывающего меня чувства паники в висках начинает пульсировать еще сильнее.

Брант поддерживает меня в вертикальном положении, от него пахнет мылом Ivory и мятой жвачкой. Иногда эти запахи смешиваются с ароматом трав, так как он всегда готовит на кухне. Базилик, тимьян, шалфей. Запахи спокойствия и уюта. Он смотрит на меня, ямочки так выделяются на фоне острых скул.

– Но ты не умрешь, – говорит он. – А теперь открой глаза.

– Мои глаза уже... – Мои слова обрываются, когда передо мной появляется огромный замок, высокий и величественный, построенный из розовых кирпичей и лимонных леденцов. Он стоит среди парящих облаков и разноцветных звезд. У меня перехватывает дыхание.

– Где мы?

– Я же сказал тебе, Джунбаг, – отвечает Брант, отпуская меня и шагая вперед. – Выше радуги.

– Это все нереально. Это же просто песня.

Теперь он в смокинге цвета яиц малиновки, из которых вылупились птенцы у нашей входной двери прошлой весной. Их гнездо было свито на пасхальном венке, который мама сделала из соломы и веточек.

Как раз когда эта мысль приходит мне в голову, три птенца малиновки пролетают мимо меня, и, клянусь, они машут мне своими трепещущими крылышками.

От этой лихорадки у меня уже галлюцинации.

Я тру глаза – в сознании все путается и зрение расплывается.

– Брант, подожди... н-не оставь меня здесь одну.

– Я никогда не оставлю тебя. Я люблю тебя.

– Насколько сильно? – Я не знаю, почему я спрашиваю об этом, но я спрашиваю.

– Как до луны и обратно. – Брант замолкает, хмуря брови. – Нет, этого недостаточно. Как насчет... выше радуги и обратно, – останавливается на этом он. Затем подмигивает. – Поторопись, Джунбаг. Ты не можешь опоздать на свадьбу.

²⁴ Мононуклеоз – острая инфекционная болезнь, характеризующаяся лихорадкой, увеличением всех групп лимфатических узлов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.